

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 4 (97) 2014
июль — август

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

Тема номера:
**ПОЧЕМУ СЛОВО «СЧАСТЬЕ»
ИМЕЕТ ТОЛЬКО
ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО?**

- выбор владыки Кирилла
- России без Православия – никуда
- жизнь по заветам Спасителя

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Молитва Святейшего Патриарха Кирилла
об Украине 3

Архивариус
Возрождение 4

Константин Красов
Симфония камня и смальты 6

Виктор Блинов
На мое счастье, я встретил отца Георгия 8

А.В. Воскобойников
Он открыл во мне это чувство 10

Б.А. Трубкин
Так было угодно Господу 11

ПОЧЕМУ СЛОВО «СЧАСТЬЕ»
ИМЕЕТ ТОЛЬКО ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО?

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста... 12

Иеродиакон Философ – Павел Демидов
Единый рецепт счастья 14

Алексей Варламов
Счастье у каждого свое 17

Счастье как среднее арифметическое...
только вот чего? 18

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Наталья Игнатович
...Являясь великим уроком для многих 19

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Крылья бабочки 22

Борис Диодоров
Человек – это гармония разума и сердца 24

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров
Капля росы на кончике пера 26

Георгий Семенов
«Художник все время в пути...» 27

Церковная летопись продолжается 29

МИР ВОКРУГ НАС

Юрий Кублановский – Татьяна Медведева
Смысл существования России –
в ценностях Православия 30

Юрий Кублановский
Стихи разных лет 33

Вадим Рутковский
Ангелы-хранители с Курского вокзала 34

Вера Кострова
Богатая бабушка 36

ЛАМПАДКА

Елена Литвяк
Летний сад 38

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Зам. главного редактора
Лариса Беляева (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: Русский на Афоне Свято-
Пантелеимонов монастырь. Фото
П. Демидова
Композиция на 3 стр. Вадима Лунёва

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-963-962-5575

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.

Выход в свет 01.07.2014

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфиче-
ский комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск,
ул. Мира, 93

Контактные телефоны:
(495) 745-84-28;
(49638) 2-06-85

Тираж 1200 экз. Заказ № 0340
© Лампада, 2014

Молитва Святейшего Патриарха Кирилла об Украине

Всевышний Боже, Владыко и Седетелю вся твари, наполняй вся величием Твоим и содержай силою Твоею.

К Тебе, Великодаровитому Господу нашему, припадаем сердцем сокрушенным и усердною молитвою о стране Украинстей, распрями и нестроениями раздираемей.

Премилосердый и Всесильный, не до конца гневайся, Господи! Будь милостив нам, молит Тя Твоя Церковь, представляющи Тебе начальника и

совершителя спасения нашего Иисуса Христа. Укрепи силою Твоею верныя люди в стране Украинстей, заблуждающим же просвети разумныя очи светом Твоим божественным, да уразумеют Твою истину, умягчи их ожесточение, утоли вражды и нестроения, на страну и мирныя люди ея воздвигаемая, да все познают Тебе, Господа и Спасителя нашего. Не отврати лица Твоего от нас, Господи, воздаждь нам радость спасения Твоего. Помяни милости, яже показал еси отцем нашим, предложи гнев Твой на милосердие и даждь

помощь Твою народу украинскому, в скорби сущему.

Молит Тя Церковь Русская, представляющи Тебе ходатайство всех святых, в ней просиявших, изряднее же Пресвятяя Богородицы и Приснодевы Марии, от лет древних покрывающия и заступающия страны наша. Возгрей сердца наша теплотою благодати Твоея, утверди волю нашу в воли Твоей, да якоже древле, тако и ныне прославится всесвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, во веки веков. Аминь.

Возрождение Знаменский храм в «лихие» девяностые

Конец прошлого века останется в истории нашей родины едва ли не самой мрачной ее главой. Большинству соотечественников это время запомнилось, прежде всего, тотальным развалом и расползанием некогда великой страны. Политические процессы, происходившие тогда на всем пространстве бывшего СССР, можно было сравнить с волнами цунами, рожденными гигантской исторической катастрофой.

Но именно на эти годы, по высшему закону равновесия, пришлось начало другого процесса – мощной консолидации духовных сил на основе возвращения к православным традициям, во все века служившим источником национального духа великой державы. Какие бы испытания ни посылались русскому народу – жестокие набег безжалостных степняков, причина Ивана Грозного, либерализация экономики, – православная вера всегда помогала выздоровлению поврежденного организма страны.

Подобно тому, как в жизни одного человека отражается жизнь народа, так в судьбе одного храма, в частности нашего, Знаменского в Ховрине, можно увидеть отражение судьбы всей Русской Православной Церкви тех лет. В 1991 году храм вернулся в лоно родной Церкви. Это же время можно считать началом возрождения Русской Православной Церкви в целом, когда окончательно рухнули последние коммунистические оковы, сжимавшие ее святое тело на протяжении жизни трех поколений людей.

С чего начинается любое дело? Естественно, с людей. Сначала это был один человек – священник Георгий Полозов, которого Патриарх Алексей назначил

настоятелем. На тот момент Знаменская церковь лежала в руинах. Почерневшее от пожара, обезглавленное, запущенное церковное здание было определено под снос еще в 60-е годы. По одному из планов городского развития земля, на которой стояла церковь, отходила под эстакаду будущей скоростной трассы. Однако строительство автомагистрали было отложено, и здание храма уцелело.

Община сформировалась быстро. Нет, Ховрино не населяли особо набожные люди. Это была такая же «новая историческая общность – советский народ», которой партия большевиков похвалялась как своим особым достижением. Это были самые обычные люди, небогатые, непритязательные, привыкшие к труду и не бегавшие его. До революции они назывались крестьянами, ремесленниками, рабочими, купцами. Хотите, чтобы были «общность»? Да только в печь не ставьте!

Эту миниатюрную, уже немалою возраста женщину можно было встретить тогда в самых разных районах Москвы. В любую погоду, в холод и жару она стояла там, где проходит больше народа, с деревянным ящичком-копилкой на груди и плакатом с призывом жертвовать на

восстановление храма в Ховрине. Всегда улыбчива, всегда приветлива.

– Баба Люба всем люба, – говорили прихожане. Если пользоваться терминологией литературоведения, о ней можно сказать: собирательный образ труженицы во славу Божию.

Это было то сложное, что объяснялось просто. Человеку невозможно без веры. Без веры в Бога – тем более. Иначе он превращается невесть во что. Примеров тому... Начало 90-х – пора окончательного развода с коммунистическими химерами. Но что взамен? «Се, стою у двери и стучу», – говорил Христос в Евангелии (Откр. 3:20). Точно так же с брошенным народом осталась только Русская Православная Церковь. Врата ада не одолели ее, несмотря на все усилия главного врага человечества. И люди буквально бросились к этому берегу спасения. Потому и в Знаменском храме быстро сформировалась община.

Перед отцом Георгием стояла задача не просто восстановить стены, перекрытия и купола, но согреть его камни молитвой, наполнить сердца прихожан верой в то, что на этих руинах возможно возрождение полноценной духовной жизни. С Божией помощью эту непростую задачу удавалось решать. Средства на восстановление собирали, как говорится, с миру по нитке. Работы по восстановлению продвигались ритмично, без больших пауз.

Вот как об этом написано в книге «Святые православной Москвы. Храмы Северного округа», вышедшей в 1997 году:

«Когда в 1991 году образовалась православная община, храм довольно быстро и безболезненно был передан Русской Православной Церкви. Но в каком состоянии! Назначенный в Ховрино священник Георгий Полозов со своими помощниками поднял храм из руин. В 1994 году полностью обновлен нижний храм во имя Николая Чудотворца. В верхнем Знаменском храме весной 1997 года был сделан мраморный пол и возобновлен искусственный мрамор на стенах. В церковь вернулись три иконы из аксиньинского храма, есть и новые пожертвованные образа: Богоматерь «Знамение», «Благодатное Небо», «Скоропослушница» из Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря. Восстановлен центральный купол и горельефы, на очереди строительство четырех звонниц. Выстроен вместительный кирпичный церковный дом, готовы ажурные решетки будущей ограды. Территория у Знаменского храма небольшая, всего полгектара. И на этом участке предстоит возвести еще несколько сооружений, необходимых для полноценной жизни современного московского церковного прихода...».

Здесь цитату необходимо прервать, ибо многое из того, что предстояло сделать (до выхода книги), уже исполнено. Например, построен прекрасный многофункциональный зал, который одинаково хорош как для спортивных занятий, так и для концертов, творческих встреч, выставок и даже... банкетов. Дошла очередь и до колоколов.

В этом отношении храму очень повезло – выдающийся московский архитектор Михаил Доримедонтович Быковский, под руководством которого Знаменская церковь была перестроена в конце 60-х годов XIX

Люба, которая всем люба

Клир 90-х (слева направо): иереи Георгий Львов, Андрей Полторацкий, Георгий Полозов, Борис Куликовский

века, предусмотрел в своем проекте четыре колокольни. Поэтому, как только были возведены новые звонницы, встал вопрос о приобретении высококачественных колоколов. Божиим промыслом – хорошим мастером по литью и развеске колоколов оказался талантливый человек и квалифицированный специалист Илья Дроздыхин. С его помощью удалось создать систему звонов, управлять которыми можно с одной колокольни. Были отлиты новые кампаны, в том числе трех- и пятитонные.

Так и трудились рука об руку: инженеры и гуманитарии – строители и богословы, плотники и преподаватели, монтажники и реставраторы, хозяйственники и педагоги. Люди понимали, что Знаменский храм в Ховрине, как и всю Русскую Православную Церковь, нужно восстанавливать всесторонне, комплексно и в полном объеме. И нет здесь вопросов главных и второстепенных. Ведь как говорил наш Спаситель: «сие надлежало делать, и того не оставлять» (Лк. 11:42).

Весной 1998 года, накануне великого праздника Святой Пасхи, настоятель Знаменского храма протоиерей Георгий Полозов обратился с ободряющим пастырским словом к читателям «Лампады», тогда еще газеты: «Мы дожили наконец до такого времени, когда люди сами хотят сделать что-то для церкви... Вот, например, родился у человека сын, человек пришел к нам и говорит: “Я хочу подарить церкви колокол в честь рождения моего сына. Только не нужно называть мое имя, я делаю это не для славы... не для того, чтобы вы напечатали мою фамилию или фотографию. Я хочу это сделать – для себя, для моего

сына. Он вырастет, я приведу его в храм и скажу – видишь этот колокол? Это я его повесил, когда ты родился...»».

Осенью 2005 года стены храма наконец-то полностью освободились от строительного-реставрационного леса! Сегодня мы можем видеть новую роспись под куполом храма. В шатре – шестнадцать икон, голубой фон алтарной апсиды поновлен и украшен золотыми звездами. Выполнена роспись западной стороны над хорами. Над Царскими вратами – новая икона Тайной Вечери. Отреставрирована храмовая икона Божией Матери «Знамение». Завершены реставрация и роспись паперти. На фасадах установлены мозаичные иконы: Божией Матери «Знамение» с южной стороны и святителя Николая Чудотворца – с северной. На всех фасадах – новая лепнина.

Храм буквально восстал из пепла и возродился к молитвенной жизни. Глядя на его золотые купола, белоснежные горельефы и мозаичные образа святых, можно ли поверить, что каких-то пять десятков лет назад в его стенах располагались сначала фабрика для слепых, а затем склад. «Комиссары в пыльных шлемах» и совдеповские номенклатурщики приспособливали церковные здания под решение сугубо бытовых и материальных задач. Они разрушали иконостасы, как ненужные перегородки, и захламляли церковные территории, на которых до этого благоухали цветы и зеленели лужайки. Но об этом периоде в истории Знаменского храма мы подробнее расскажем в нашей следующей публикации. Сделаем еще шаг назад во Времени.

К сему: ваш Архивариус

Симфония камня и смальты Молодые московские художники возрождают традиции русской храмовой мозаики

На Светлой седмице в жизни православного прихода церкви иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине произошло большое событие: на главном фасаде храма появились мозаич-

Мозаики, выполненные художниками творческого объединения «Новая Византия» – Еленой и Олегом Кузнецовыми, Ильей Косыревым и Юлией Казуровой, – яркий пример того, как можно творчески осмыслить и развить традиции русского мозаичного искусства, идущего от далекой и блистательной эпохи Ломоносова. Это не первая работа молодых художников-монументалистов, связанная с ховринским храмом: в прошлом году они выполнили мозаику святителя Николая, установленную на северном фасаде здания.

С Еленой Кузнецовой я встретился в ее мастерской в Царицыне. В просторном помещении таинственно мерцали россыпи смальты, на полу, приклеенные полосками скотча, распластались картоны, на которых сквозь вуаль полиэтиленовой пленки проступали контуры эскизов.

– Наверное, это очень трудоемкий процесс: из многих тысяч кусочков острых, как бритва, осколков стеклянной смальты собирать огромные картины?

– Да, легкий наш труд не назовешь. Но это же искусство – на века! Когда представишь незнакомца из будущего, который вглядывается в лики святых, подобно тому, как мы сегодня смотрим на древние византийские мозаичные иконы, чуть ли не физически чувствуешь тяжесть ответственности за свое дело. Ведь по нашим работам потомки будут оценивать современное церковное искусство, как и мы по древним мозаикам оценивали христианское искусство со времен основания Церкви

– Наверное, многое изменилось в вашей профессии с тех далеких времен?

– Технология изготовления основного материала – собственно смальты – осталась, как ни странно, неизменной: стекло, спекаемое с пигментом в особых печах. Мы используем различные виды смальт, начиная с итальян-

Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских

ской и заканчивая той, что сохранилась еще с советских времен. Для фонов используем кантарель – золотую фольгу, запеченную между двумя пластинками стекла. Некоторые изменения претерпела технология связующего состава – здесь в качестве основы мы применяем керабонт и стекловолоконную сетку.

– Ваше объединение называется «Новая Византия». В соединении этих двух слов, вероятно, есть определенный смысл.

– Конечно. Мы продолжаем традиции древней Византии и творчески воспроизводим уникальную самобытность мозаичного искусства Михаила Ломоносова и Владимира Фролова. Это тот самый «академический русский стиль» – с его глубокими и сильными тонами, стиль реализма, правдивости и мощи, запечатленный в мозаиках храма Спаса-на-Крови в Петербурге. «Новая Византия» – пожалуй, единственное объединение в России, работающее во фроловской технике «обратного набора» (когда смальта выкладывается лицевой стороной книзу).

А с Ильей Косыревым разговор шел прямо на лесах – он крепил в нишах

новые иконы в честь великомученика Георгия, мученика Евграфа, преподобномученика Амвросия и священномученика Александра (последние двое когда-то служили в этом храме).

фрагменты мозаики:

– Как ты стал художником-мозаичистом?

– Заниматься мозаикой все мы начали в 2003 году, еще учась в Суриковском художественном училище. С 2004 года работаем самостоятельно, как мастерская.

– А мастерская – это просто содружество творцов или объединение на каких-то принципах?

– Именно на принципах! Их у нас три: профессионализм, ответственность за результат и творческий подход к любому заданию. Мы никогда не беремся за заказы, если требования заказчика противоречат нашим взглядам и эстетическим принципам. И непременно стараемся сохранить стилистическое единство мозаики и архитектуры.

– Вы занимаетесь исключительно церковной мозаикой?

– У нас много и других выполненных проектов. Например, потолок станции метро «Маяковская», холлы и вестибюли Пензенского драматического театра. Уникальный по сложности проект «Старинная карта Евразии» на полу офиса компании «Евразия Трансстрой».

– Вернемся к церковной живописи. Какие моменты в современном мозаичном искусстве следовало бы отметить особо?

– Церковное искусство вообще и мозаичное в частности должны быть, на наш взгляд, творением рук и таланта человеческого на века, а не ремеслом, подработкой, которую зачастую берутся выполнять «специалисты» из ближнего зарубежья. Необходимо строго соблюдать канон при реконструкции и строительстве храмов: мы должны оставить потомкам церковную живопись, сохраняющую и развивающую лучшие традиции византийского и древнерусского искусства.

Преподобномученик Амвросий (Астхон) и великомученик Георгий Победоносец

Лик святого повернут влево, а на иконе – в противоположную сторону. Это и есть «обратный набор», которым выкладывается образ, – изнутри

Священномученик Евграф (его единственный в Москве престол в Знаменском храме) и священномученик Александр Левитский

Учитель Ильи и Елены – заведующий секцией монументальной живописи Российской академии художеств Евгений Николаевич Максимов – словно подводит итог:

– Мозаичное оформление наших храмов необходимо выводить на более высокий качественный уровень. «Новая Византия» – прекрасный пример такого подхода, пример профессионализма и следования каноническим требованиям византийской и русской академической традиции. Их последняя рабо-

та – иконы на фасаде Знаменского храма в Ховрине – яркое подтверждение преемственности традиций отечественной мозаичной школы. Ребята ориентировались на лучшие образцы церковного мозаичного искусства, такие как мозаики церкви Спаса-на-Крови и Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Я горжусь своими учениками и считаю, что они достойно продолжают славные традиции русского монументального искусства.

Возвращаясь после встречи с художниками и размышляя над словами ака-

демидка о будущем мозаичной иконописи, я бросил взгляд на ховринский храм. В багровых закатных лучах вспыхивали и гасли всполохи золота на нимбах, а лики святых обретали какую-то особенную выразительность. Более того – они обретали объем, становясь как бы трехмерными. Исполненная искусными руками симфония смальты и камня превратила изображение в нечто осязаемое и живое. И я подумал: не случайно один великий святой назвал иконы окнами, распахнутыми в вечность.

Константин Красов

«Полтавский бой» – самая знаменитая мозаика М.В. Ломоносова

Мозаика храма Спаса-на-Крови работы В.А. Фролова

Что нужно сделать, чтобы о тебе помнили? Наверное, прежде всего, не заботиться об этом, не посвящать этому жизнь. А чему ее посвящать? Еще Юрой, протоиерей Георгий Нейфах если и думал об этом, то уж, во всяком случае, не помышляя о высоком. Как вообще большинство советской молодежи. Ну, быть честным, любить родину, помогать людям, не обижать слабых... Пусть эти установки строителю коммунизма подозрительно напоминали заповеди Священного Писания – но кто об этом знал или, зная, рискнул бы сказать? А вот Юра Нейфах знал. Знал, Кому посвятить жизнь. Выходец из семьи таких же, как сам, «высоколобых» – ученых-

биологов, окончил биофак МГУ и стал кандидатом физико-математических наук, незадолго до защиты окрестился. А вскоре принял священнический сан. Когда в Курчатове решили построить первый православный храм, поручили это, понятно, отцу Георгию Нейфаху: город ученых, сам тоже из них. За год до кончины, в 2004 году, в возглавляемом им Курчатовском благочинии было уже десять храмов. Духовные чада о. Георгия – это сотни, если не тысячи людей, а скольких он пастырски привел к вере!..

Мы пока еще здесь, не с ним. Но он – с нами. Навсегда. Хотя вовсе не стремился к тому, чтобы его помнили.

На мое счастье, я встретил отца Георгия...

Я уже носил нательный крест, любил иногда заходить в церковь, почитать перед сном Новый Завет, поразмышлять о вечном, дома висели иконы... О вере и о Боге я знал гораздо больше среднестатистического человека, и мне казалось, что всего этого вполне достаточно. А здесь у меня появился вполне конкретный срочный вопрос к священнику. И тут, на мое счастье, я встретил отца Георгия!

Навстречу мне шел человек в рясе. Тогда, более двадцати лет назад, это было большой редкостью. Я набрался смелости и, сказав, что я человек верующий, задал свой вопрос. Батюшка ответил. Поблагодарив, уже собиравшись уходить, но он ненавязчиво поинтересовался, исповедуюсь ли я и причащаюсь, соблюдаю ли посты. Я ответил, что тогда надо жить в монастыре. Батюшка улыбнулся и спокойно сказал: «Ну почему же? У меня лично немало знакомых, которые живут в миру и все это соблюдают». Я очень удивился, но как-то сразу поверил отцу Георгию. Он спросил о чем-то еще и как бы сам себе, вполголоса, сказал: «Да, поле еще не пахано». А вот я уже поразился, поскольку о своей религиозности был совершенно другого мнения. Батюшка тут же пригласил меня погостить у них в Курчатове, куда он вернется через несколько дней, а по пути сможет заехать за мной. И тут произошло самое для меня удивительное: при всем честном народе батюшка обнял меня и трижды расцеловал.

...До Курчатова мы ехали вместе с матушкой Еленой. Я сразу понял, что передо мной люди очень умные и образованные. Общаться с ними было легко и интересно. Никакой чопорности у отца Георгия не было и в помине, а даже наоборот – он оказался человеком веселым. Он и сам любил пошутить и даже рассказал два анекдота на церковную тему! Приехали мы в субботу днем. Отец Георгий сказал,

что вечером и завтра утром будут богослужения и я, если хочу, могу исповедаться и причаститься. Я сразу согласился, но признался, что не знаю, как это делается. Батюшка меня успокоил и объяснил, что на эту тему есть замечательная литература.

Приехав, батюшка и матушка почти сразу отправились в храм на крестины, и я остался один в их очень скромной, почти бедной квартире. Было только много икон и церковных книг. Я приступил к чтению. Это была даже не книга, а сброшюрованные ксерокопии напечатанных на машинке листов под названием «Опыт построения исповеди» архимандрита Иоанна Крестьянкина (православное книгопечатание тогда не было так развито, как сейчас). К приходу отца Георгия, даже еще не дочитав ее до конца, я понял, что виноват практически во всем. Я думал, батюшка удивится моему признанию, но он только спокойно сказал: «Хорошо, что мы это видим». Вечером я впервые в жизни исповедался.

К отъезду батюшка принес две брошюры: православный катехизис и небольшой молитвослов. До сих пор помню наш разговор: «Отец Георгий, у меня есть Библия и Библейская энциклопедия. Они такие толстые, что церковного чтения надолго хватит, а молитвослов мне, наверное, еще рановато» – «Пусть, на всякий случай, может быть, когда-нибудь будет надо – а они под рукой». В купе я ехал один. Когда собирался ложиться спать, вдруг вспомнил: «У меня же есть молитвослов! Я могу по-настоящему помолиться». Вот он, тот самый «навсякий-случай», о котором говорил батюшка. Я достал книгу...

К моему удивлению, во время отпуска у родителей я постоянно думал о Боге и об отце Георгии. Вначале я собирался через годик написать ему благодарственное письмо и рассказать об этом. Я был уверен, что батюшка и матушка будут рады. А поехал в Курчатов уже через две недели после возвращения из отпуска.

Перед отъездом я стал подумывать о своем воцерковлении и задал батюшке два вопроса. Во-первых, я спросил: «Отец Георгий, ничего страшного в том, что я буду ходить в церковь по субботам, потому что по воскресеньям утром я хожу в баню и мне бы не хотелось ее передвигать на субботу, ведь к такому графику за много лет я уже привык?». Батюшка спокойно ответил: «Конечно, можно ходить в храм и по субботам, но я все-таки посоветовал бы по возможности ходить по воскресеньям, так как этот день установлен Церковью для воспоминания Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. В этот день предписывается всем членам Церкви посещать богослужение, и участие в такой соборной молитве очень благотно для всех нас. Поэтому, если не хочется переносить баню на субботу, тогда, может быть, в воскресенье сначала сходить в храм, а после идти в баню». Тут я сказал: «Но к обеду пар будет уже не тот». А батюшка так же спокойно продолжал: «Ну, тогда, может быть, сначала быстренько сходить на раннюю литургию, а потом и в баню». Я пообещал подумать. А во-вторых, я спросил: «Отец, Георгий, если я каждую неделю буду ходить в церковь, то стоять по два-три часа на богослужении – это многовато. Как бы вы посоветовали, приходить к началу службы, а потом уже можно уходить, или, может быть, важнее присутствовать на центральной части богослужения, или лучше приходить попозже и тогда уже стоять до конца?». Батюшка, пожав плечами, сказал: «Я не представляю, как во время литургии можно развернуться и выйти из храма. Конечно, нет ничего хорошего в том, что мы опаздываем на службу, но уж раз вопрос стоит так, то лучше приходить попозже и быть до конца. И надо как-то стараться, чтобы опоздание было поменьше».

По прибытии в Москву мое воцерковление устроилось гораздо легче, чем ранее представлялось. Я, хотя и без при-

частия, начал регулярно посещать службы, соблюдать посты. В то время в Даниловом монастыре был самый большой выбор православной литературы, и я туда часто ездил покупать книги, которые читал буквально запоем. В них было столько всего интересного, что хотелось прочитать их все разом. И, конечно же, у меня горой выросли вопросы. И, естественно, через месяц я опять поехал в Курчатов.

...Помню, провожая меня на станцию, отец Георгий задумчиво вполголоса сказал: «Слава Богу, веру

обрели, теперь бы в Православии удержаться». Эти слова буквально врезались мне в голову. Я считал себя уже крепким православным христианином, а сомнения отца Георгия застали меня врасплох. Тогда я про себя решил, что раз у батюшки есть такие опасения, то надо быть очень внимательным и приложить все силы, но в Православии остаться. Оказалось, батюшка «как в воду глядел»: по приезде в Москву я встретил ребят из Богородичного центра, и они мне вполне понравились. Они рассуждали высокодуховно, не были теплохладными и равнодушными и были, как и я, молодыми. А среди моих знакомых сверстников не было верующих, и мне не хватало общения именно с молодежью. Эти ребята говорили, что они тоже православные, что у них в храмах много благодати. Также рассказывали, что их священники могут изгонять бесов и являть чудеса. Говорили, что у них не встретишь неживой веры, как у бабушек, что у них не ходят с тарелками для сбора денег во время богослужений, что у них на службе все горячо молятся. Приглашали меня на свои богослужения. Мне все это было очень созвучно и, конечно же, хотелось сходить посмотреть. Но без консультации с отцом Георгием я решил пока воздержаться. Все-такистораживало их «беспиететное» отношение к РПЦ.

По прошествии нескольких дней, выходя после службы из Елоховского собора, я встретил ребят с иконой тогда еще не прославленного царя Николая II. Они как раз и собирали подписи в поддержку канонизации государя. Я услышал от

С матушкой Еленой и внучкой Лизой

них много правильного и интересного, особенно про спасение России. Эти бордачи мне тоже понравились, хотя и были немного резковаты. Я, памятуя слова отца Георгия, спросил у них, православные ли они, имея в виду их принадлежность к Московской Патриархии. Как же я их расстроил этим вопросом! Они не столько обиделись, сколько возмутились таким сомнением. Но, простив мою неопытность, объяснили, что они-то и есть настоящие православные и что у них есть братство, в которое они меня пригласили. Я подписал их воззвание, но приходить без совета с отцом Георгием пока не обещал. Было понятно – пора опять ехать.

Странное дело, батюшка сам начал рассказывать мне о недавно возникшей секте – Богородичном центре, хотя я только собирался спросить его об этом. Про монархическое братство ничего плохого не сказал, но пока не посоветовал в него вступать, так как мы конкретно не знаем тех людей и хорошо бы самим немного окрепнуть. Я подарил отцу Георгию понравившуюся мне книгу – Евангелие для детей Толстого. Батюшка сказал, что во многом за это его отлучили от Церкви, и с ходу показал крамольные места.

Я стал регулярно видеться с отцом Георгием, когда ездил в Курчатов или когда батюшка приезжал в Москву. Жизнь без этих встреч представить уже было невозможно. Его широта личности, кругозор, энциклопедические знания, тонкий юмор притягивали, как магнит. А еще чувствовалось, что если надо, батюшка готов душу свою за тебя положить.

В начале церковной жизни меня иногда тянуло на разные «подвиги». Как-то раз, прочитав про большую духовную пользу от земных поклонов, я решил взять себе за правило делать их по несколько сот в день. Но когда брал на это благословение у отца Георгия, то не увидел на его лице никакой радости. Напротив, батюшка сказал, что без особой нужды нам не надо брать себе дополнительные правила и обетами. Если и их исполнять, то лучше без каких-либо обещаний. А конкретно про мои поклоны отец Георгий, улыбнувшись, ответил: «Пока

ежедневно по столько поклонов делать не надо. А то будешь стоять в храме и, глядя на прихожан, думать: “Вряд ли кто из здесь стоящих делает каждый день по триста земных поклонов”. Так что усердствовать в этом тебе пока не рекомендую. Если когда захочется, то поклоняйся, но безо всяких правил. Через несколько лет, если будет желание, мы можем вернуться к этому вопросу».

Вспоминается, как одна московская студентка очень расстраивалась, что ее мама постоянно смотрит телевизор, особенно телесериалы типа «Санта-Барбары». Когда она рассказала об этом отцу Георгию, то батюшка, успокаивая ее, говорил: «Я думаю, не надо об этом так сильно переживать. Во-первых, потому что именно эти сериалы не могут нанести ей такого большого вреда, как ты думаешь. А, во-вторых, твоя мама – некрещеный человек предпенсионного возраста, и подходить к ней с такими высокими требованиями аскетизма было бы неразумно. Мало того, я бы не стал беспокоиться, если бы и ты иногда смотрела телевизор. А вот если бы схимонахиня увлеклась телевизором, то тогда бы мы забили настоящую тревогу». Этот случай я много раз приводил как пример того, что каждый из нас «должен знать свой шесток».

В самом начале 90-х, когда в Россию хлынуло множество различных сект, отцу Георгию бухгалтер-прихожанин сообщил, что в бухгалтерию АЭС передали солидный счет с резолюцией директора на оплату контейнера с сектантской литера-

турой для распространения в Курчатове. Батюшка очень встревожился. Это позже директор АЭС стал главным строителем храма, а в то время он был еще далек от Церкви. Отца Георгия беспокоило и загадочное отношение директора к секте. Ему хотелось пойти к директору и все разъяснить. Но, во-первых, у батюшки с ним в то время не было почти никаких отношений, а во-вторых, такие серьезные люди не всегда любят, когда их поучают. Отец Георгий полдня думал, как поступить, молился. И позвонил с просьбой его принять. Встречу назначили на вечер. После работы руководство отмечало какой-то праздник. Директор встретил отца Георгия приветливо. Батюшка изложил позицию Церкви по отношению к этой секте и свою озабоченность. Оказалось, одноклассница директора – сектантка, вот и попросила его распространить в городе «интересные и полезные» книги. И, по возможности, их оплатить. Но директор сказал, что не хочет идти против нашей Церкви, и предложил: «Отец Георгий, не оплатить книги я уже не могу, потому что обещал. А контейнер по прибытии я отдам вам, и делайте с ним, что хотите». Дома батюшка уже начал продумывать, как утилизировать книги, а на завтра позвонил тот же бухгалтер и сообщил, что утром директор поинтересовался оплатой контейнера. Ему доложили, что счет еще

не оплачен. В ответ прозвучал категоричный приказ: «Контейнер не оплачивать, а если он придет – отправить обратно». Для всех осталась загадкой причина столь неожиданного поступка директора...

Отдельно хочется сказать о простоте быта отца Георгия. В его квартире за пятнадцать лет ничего не изменилось. Батюшка считал, что священник должен жить нестяжательно. А еще чувствовалось, что ему большего не очень-то и надо, он относился к этому большому, как к какой-то обузе. Все мы помним, что и одежду отец Георгий носил в основном ту, которую жертвовали прихожане в храм или лично ему дарили. И питались батюшка с матушкой тем, что давали им в храме с кануна. И лишь только ради гостей отец Георгий разрешал матушке докупать продукты.

Любой рассказ об отце Георгии не будет полным без упоминания о матушке Елене. Когда про какую-то пару говорят, что «их Сам Господь соединил», то это в полной мере относится к батюшке с матушкой. У них на двоих были: любовь, дружба и общее послушание. По переводу отца Георгия в Курчатов надо было организовывать приходскую жизнь, проводить богослужения, строить храм, исполнять требы в городе и в близлежащих деревнях. И матушка во всем разделяла эти многочисленные труды: была регентом, личным водителем, секретарем и пору-

ченцем. Причем матушка Елена не была на приходе «владычицей морскою», как это случается, а была для всех подлинной матерью. Но самое главное: матушка была единомышленником и сотоварищем отца Георгия. Батюшка и сам говорил, что без нее он столько бы не сделал. Но он был и особо требователен к матушке. Мог назначить земные поклоны или хорошо отчитать. Как-то на просьбу матушки что-то купить (уж и не помню что) отец Георгий сказал: «Матушка, ты что, с дуба съехала? Хочешь жить лучше прихожан?». Но во всей этой строгости была особая забота о матушке. Они не чаяли души друг в друге.

Чувство юмора не покидало отца Георгия до последнего его дня. Про свой диагноз батюшка шутил: «Хорошо иметь небольшой безвредный рачок: все о тебе усиленно заботятся, владыка о здоровье постоянно интересуется». Если бы меня попросили буквально двумя словами охарактеризовать отца Георгия, то я бы сказал так: «Современный аскет с высоким и кротким интеллектом». И еще я бы обязательно добавил, что батюшка был веселым.

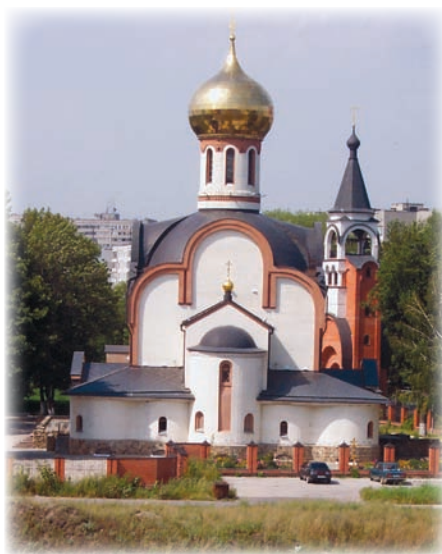
Светлая ему память.

Виктор Блинов, в недавнем прошлом староста храма вмч. Георгия в Лучниках, что на Лубянке. Ныне подвизается в одном из монастырей на Дону

Он открыл во мне это чувство...

Я родился и вырос в семье, различной к Богу. Первая встреча со священником, с которым я разговаривал и которого, как говорится, мог потрогать, произошла в 1990 году. Им был отец Георгий. Через год я крестился. Произошло это в престольный праздник, 28 августа, в только что обустроенном маленьком Успенском храме (теперь во имя Иоанна Крестителя). И это было событием: и откровением, и прозрением, и переоценкой прежней жизни, и началом новой. Я думаю, многие, встретившие батюшку, прошли тем же путем и испытали схожие чувства.

Но я хочу рассказать о том, что было после. Стараниями и трудами батюшки и матушки маленький наш храмик наполнился прихожанами все более и более. И меня, новокрещенного, раздражало, что во время службы невозможно в той тесноте даже руку поднять для крестного знамения! Простите меня, братья и сестры, я чуть ли не впадал в гнев от того, что меня теснят со всех сторон бабушки

и дедушки, как я, тогда молодой и почти красивый, думал. И эти неприятные ощущения преследовали меня около года, в течение которого я достаточно исправно участвовал в воскресных и праздничных службах. Они (ощуще-

ния) не ослабевали, но и не усиливались. Я уже почти привык к ним. Но в один прекрасный – действительно прекрасный! – день я вдруг почувствовал, что вокруг меня стоят не просто люди, обступившие меня со всех сторон, а братья и сестры во Христе! Братья и сестры, молящиеся за меня же! Как и я за них! И что благодаря этой соборной молитве я вот сейчас, вдруг, мгновенно узнал радость этого единения во Христе! Эта радость была тихой и спокойной, как во время вечернего чая в кругу родных. И со слезой в глазу от внезапности, от света, вдруг озарившего и поставившего все на свои места. Наверное, это было чудо. Слава Богу, за то, что Он открыл во мне это чувство и даровал это счастье! Спаси вас Господь, братья и сестры, за ту радость, которую вы вымолили у Господа и подарили мне и в которой я пребываю до сих пор!

Александр Николаевич Воскобойников, архитектор, создатель храма в Курчатове

Так было угодно Господу

Материалист, коммунист, атеист, грешник до мозга костей – вот двадцатилетней давности краткая, но емкая характеристика пишущего эти строки. Почему мое мировоззрение изменилось на 180 градусов? Я стал православным верующим, церковным, все так же греховным, но! – ищущим Бога человеком. И почему это не произошло раньше? Скольких бед можно было бы избежать. Как бы наполнилась жизнь Духом Божиим! Видно, так было угодно Господу.

Десятилетия в России царил богоборческая власть, но никогда не угасал свет Божиих светильников – православных приходов и монастырей. И вот в нужный час ветер перемен стал разносить искорки от этих светильников, зажигая сердца избранных на дело Божие. Одно из этих сердец – отец Георгий.

Мне посчастливилось после длительного перерыва встретить его и возобновить общение. Познакомившись в первом классе 175-й московской школы, мы сдружились и много времени провели вместе. Были и общие увлечения, были и споры, но все было складно между нами. Поэтому, уже позже, узнав о переменах в мировоззрении моего школьного друга Юры Нейфаха, о его превращении в отца Георгия, я испытал чувства глубокого разочарования, сожаления и осуждения, настолько далеко все это было от той жизни, которая захлестывала меня собраниями, комиссиями, проверками и отчетами.

Поворотным моментом лично для меня стали подготовка и празднование 1000-летия крещения Руси. Работая в непосредственной близости от Свято-Данилова монастыря, наблюдая за его преображением, невозможно было остаться равнодушным и не начать задумываться о смысле нашей земной жизни. Через пару лет мы вместе со своим двадцатилетним сыном крестились в восстанавливаемом храме Вознесения Господня за Серпуховской заставой.

В середине 90-х годов я уже с радостью и некоторым трепетом встретился с отцом

Глаза о. Александра. Страдание и любовь

Георгием, чтобы разрешить многое накопившееся в душе, да и просто в жизни.

Батюшка пригласил нас с женой в Курчатов посетить строящуюся церковь и уже обстоятельно обсудить волнующие меня вопросы.

Будучи директором завода и имея определенный опыт организации строительства производственных корпусов, я не мог понять: как вот так, на пустом месте, не имея надежного финансирования, не имея собственных ресурсов, штата специалистов да и опыта работы, батюшка смог организовать то монументальное, что предстало перед глазами?

Наверное, только уже на следующий день, а может быть, даже и позже, после длительных бесед с батюшкой, встреч с замечательными людьми, окружающими его, удалось пропитаться той непередаваемой атмосферой христианского участия, как мне казалось, всего Курчатова в делах прихода, стало проясняться, как Бог творит Свою волю на Земле.

Много раз после своего первого приезда я бывал в Курчатове, на моих глазах происходило внешнее и внутреннее украшение храма. Удивительно было наблюдать за батюшкой и прихожанами, как они радовались каждой детали отделки. Вот заказано необычное паникадило, и как хорошо оно гармонирует с обликом храма, вот установили портик, вот началась роспись, какие интересные библейские сюжеты; вот обновился иконостас, установлены новые Царские врата; вот продвигается постройка церковного дома, закончена надвратная колокольня, продвигается обустройство внутренней территории... Вот детский приходской хор удачно выступил на конкурсе, вот уже и первые свадьбы церковной молодежи. Сколько же радости! А сколько трудов за всем этим, а на сколько часов удастся сомкнуть глаза уже тяжело больному протоиерею Георгию. А сколько еще к нему вопросов духовных чад, которые невозможно оставить

без ответа. Жизнь идет, Господь продолжает творить. И вот у меня еще вопрос.

Как, видя все то, что предстает перед глазами, – светящиеся улыбками прихожане, молитвенное торжество храма, солнечные зайчики в глазах детворы, вдохновенные лица поющих на клиросе юношей и девушек из церковного хора, слезы кающихся, – как здесь не воспеть славу Богу и как должно окаменеть сердце, чтобы остаться в неверии!

Братья и сестры, низкий поклон вам, низкий поклон отцу настоятелю и клиру, низкий поклон делам и памяти протоиерея Георгия и вечная ему память у Бога, за все содеянное вами за эти годы, за ваш труд во славу Божию, за то преображение, которое претерпел любимый теперь и нами город Курчатов, за ту радость и благодать, которая пребывает здесь, и за то, что мы приобщены к этой радости и благодати.

*Борис Александрович Трубкин,
лучший, с детства, друг о. Георгия,
некогда директор
Московского монетного двора*

Скажите, пожалуйста...

 <p>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</p>	<p><i>Александр Соколов, 30 лет, менеджер</i></p>	<p><i>Галина Николаевна, пенсионерка</i></p>	<p><i>Илья, 38 лет, школьный учитель</i></p>
<p>Как вы определили бы, что такое счастье?</p>	 <p>Я считаю, что счастье – это быть частью своей семьи, частью Бога, частью своей Родины, когда все друг друга любят. В самом слове «счастье» заключен смысл – быть с частью.</p>	 <p>Для каждого это свое, определить его для всех нельзя и невозможно. Можно сказать, что счастье – это в какой-то степени преодоление несчастья.</p>	<p>фотографироваться отказался</p> <p>Я думаю, когда человек старается жить по совести, старается жить с Богом, для него эти моменты субъективного состояния счастья становятся все дольше и устойчивее.</p>
<p>Изменяется ли со временем представление о счастье? Что на это влияет?</p>	<p>Со временем многие слова изменяются. Раньше счастье считалось синонимом везения, т.е. сей час. Суворов говорил: «Сегодня счастье, завтра счастье, помилуйте, а где же Бог?».</p>	<p>Конечно, изменяется, изменяется жизнь, изменяется стимул жизненный. Это очень индивидуально, потому что счастье – это короткое состояние.</p>	<p>Представление счастья с годами превращается в стремление к внутренней тишине и гармонии. Когда человек идет на сделку с совестью, дает место дьяволу в своей душе, эта тишина нарушается.</p>
<p>У верующего человека счастье, или душевный комфорт, означает: быть с Богом. Не так ли?</p>	<p>Да, это именно так. Меня это чувство впервые коснулось в храме, я почувствовал Бога, понял, что Бог меня любит. Многие путают счастье с бытовым благополучием.</p>	<p>Душевный комфорт и счастье – совершенно противоположные понятия. Счастье – это мгновения, и это от Бога, а комфорт – это успокоенность и может быть длительным процессом.</p>	<p>Наверное, неверующий, который испытывает искушения, чувствует себя несчастным, обделенным. Если стремиться к общению с Богом, даже в отчаянном состоянии, частичка счастья в душе все равно есть.</p>
<p>А как быть не верующим в Бога? Им не дано познать счастье?</p>	<p>Как быть неверующим людям, я, к сожалению, не знаю. Мне кажется, им дано познать счастье, Господь же милосердный. А познав счастье, они смогут поверить в Бога.</p>	<p>Ну, почему, они по-своему понимают счастье, точно так же, как один на русском языке говорит, другой на китайском, точно так же понятие счастья у нас различно.</p>	<p>Могут. В минуты, когда они чувствуют себя счастливыми, они интуитивно становятся ближе к Богу. Если они это поймут, может быть, они поймут, почему поступали честно, по-доброму с другими людьми.</p>
<p>Вы когда-нибудь задумывались, почему слово «счастье» имеет только единственное число, а «несчастье» – и множественное?</p>	<p>Наверное, потому, что счастье – это чувство, оно здесь и сейчас счастье. Что такое несчастье – это ты не с частью и, поэтому это множественное.</p>	<p>Наверное, потому, что счастье единично, а несчастья большую часть жизни заполняют, это более распространенное ощущение.</p>	<p>Потому что счастье заключается в единении с Богом, с ближним, например в браке.</p>

ПОЧЕМУ СЛОВО «СЧАСТЬЕ» ИМЕЕТ ТОЛЬКО ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО?

Анкета «Лампады»

<p><i>Марина Александровна Дзерович, 45 лет, председатель регионального отделения Союза православных женщин Белгородской области</i></p>	<p><i>Евгений Николаевич, пенсионер, член клуба «Реалисты»</i></p>	<p><i>Татьяна Андреевна, пенсионерка, волонтер храма прп. Сергия Радонежского в Крапивниках</i></p>	<p><i>Наталья, 30 лет, муниципальная служащая</i></p>
			
<p>Мир в душе.</p>	<p>Я склоняюсь к тому, чтобы поддержать понимание древних цивилизаций, которые понимали счастье как здоровье душевное и физическое, т.е. гармоничное состояние души и тела в человеке.</p>	<p>Человек может быть счастлив, если он сумел найти внутри себя состояние, которое в любых обстоятельствах приносит ему покой и душевное равновесие.</p>	<p>Если человек меркантильный, счастье будет в количестве денег. Верующий найдет счастье в душевном равновесии. Для меня это душевное равновесие и спокойствие существования.</p>
<p>Изменяется, потому что меняется уровень восприятия мира в душе.</p>	<p>Конечно. Чем более зрелым у человека становится сознание, тем более полным и глубоким становится его представление о счастье.</p>	<p>Безусловно. В пять лет я считала, что счастье – это работать на колбасной фабрике, в двадцать – если приедет принц на белом коне, а теперь я очень дорожу состоянием, когда я с Богом.</p>	<p>Меняется, потому что мы живем в человеческой среде. Факторы, которые могут влиять: работа, семейное благополучие...</p>
<p>У верующего человека не может быть иначе. Потому что он верит именно в это.</p>	<p>Да, конечно, означает быть с Богом, но каждый понимает это по-своему. Бог должен быть в душе каждого человека. Если вдаваться в философию, то сознание и есть одно из состояний Бога.</p>	<p>Да, я уже сказала: счастье – это быть с Богом.</p>	<p>Да, для верующего человека быть с Богом – это одна из составляющих душевного комфорта.</p>
<p>У каждого свое представление о счастье. Нет неверующих людей, каждый верует во что-то. Он верит в свое счастье и, наверное, счастлив по-своему.</p>	<p>Если они не веруют в Бога, значит, они веруют во что-то другое и в этом могут находить для себя счастье.</p>	<p>Счастье – это состояние и может быть у любого человека.</p>	<p>Я с детства крещена, и весь мой род – православный, поэтому я не знаю, как не верить в Бога. Понимание счастья у неверующего будет другое.</p>
<p>Несчастье – это отсутствие счастья, то есть жизнь без Бога. Таких вариантов – множество. А быть с Богом – это единственный вариант счастья.</p>	<p>Да, потому, что счастье – это состояние души и тела в равновесии, а оно всегда в единственном числе. А несчастья – это множество событий, которые происходят в жизни того или иного человека.</p>	<p>Состояние счастья может приходиться каждый день, но никто при этом не говорит: у меня много счастливых. Это чисто языковой оборот. И счастье, и несчастье одинаково множественны.</p>	<p>Затрудняюсь. Даже не знаю, как ответить.</p>

Единый рецепт счастья

Дialog на Святой Горе главного редактора «Лампады» Павла Демидова с экономом русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря иеродиаконом Философом.

– Как вы полагаете: почему счастье существует только в единственном числе, а несчастья – и во множественном?

– В связи с чем возник такой вопрос?

– В чем уникальность счастья, раз у него нет множественного числа? Счастье – это гармония. А человек может ее достичь, став равным своему первообразу. Для этого он не должен терять связи с Богом. Тогда он ощущает всю полноту счастья.

– Есть и другие слова, которые тоже не имеют множественного числа. В частности, горе. Оно рифмуется со словом «несчастье». У одного есть множественное число, у другого – нет. Тоже: почему?

– Отчего же нет? В Откровении Иоанна Богослова говорится: вот пришли два горя. А вот «два счастья» я не слышал никогда в жизни.

– Для филолога это, возможно, и имеет значение. Но я – не филолог.

– Вы не согласны, что связь человека с Богом, жизнь в Боге – это единственная формула счастья?

– Я бы сказал так: для человека единственно правильная форма бытия – это оставаться с Богом. Счастлив или несчастлив он при этом – судить может только сам человек. Лично я в моей житейской практике этой категорией никогда ничего не оцениваю. Я – живу.

– Но лично вы считаете себя человеком счастливым?

– В моем лексиконе этого слова почти нет.

– А ощущение?

– Ощущение чего?

– Придя к монашеской жизни, вы ощутили разницу между собой прежним и нынешним?

– Про ощущения вообще трудно сказать. То, что разница в образе жизни очевидна, и говорить нечего. Это и вы наверняка чувствуете.

– Как сказать... Монахом я все же никогда не был.

– Владыка Марк, когда приезжал сюда, очень точно сказал: паломник – это человек, который на короткое время решил стать монахом. Когда вы уезжаете, у вас многое по-другому. Нет такого обилия служб, которые дают особый опыт общения человека с Богом через молитву. У кого-то это, возможно, происходит и иначе, но согласитесь,

что количество важно, так как часто переходит в качество. Допустим, с Иисусовой молитвой. Когда-то она может звучать и формально, но бесследно не проходит никогда. Уместно ли при этом задумываться, счастлив ты или нет? Не знаю, не знаю...

– А я знаю: перемена в образе жизни в Москве или здесь, на Святой Горе, не влияет на мое представление о том, счастлив я или нет.

– Вот видите? А я – тем более. Живя здесь уже пятнадцать лет, практически безвылазно, я не нуждаюсь в исследовании своего внутреннего состояния: счастлив я или нет. Я могу сказать, что сейчас несчастье для всего нашего славянского народа – то, что творится на Украине и в отношениях с Россией. Огромное несчастье. Можно сказать, что когда нормализуются эти отношения, будет счастье? Допустим. Но счастье – это все же состояние индивидуальное, а не всеобщее. Можно сказать, даже интимное. Чем-то я доволен – и говорю: я счастлив. Чем-то недоволен... и так далее.

– Раз вы не задумываетесь над тем, счастливы вы или нет, значит, у вас с этим все в порядке. Как, допустим, с зубом: пока не болит – вы о нем и не думаете. Именно это говорит о том, что вы живете в равновесном, сбалансированном духовном состоянии.

– Совсем не так. Колебаний очень много. Духовных. И падений, и подъемов. Только к счастью это, в моем пред-

ставлении, не имеет отношения. Равно как и к несчастью. Вопрос этот все же не духовный, то есть из сферы материального.

– Это интересно и удивительно слышать. Но множественное число несчастья обусловлено все же тем, что порождено человеческими страстями. А?

– Счастье тоже может рождаться из страстей. Какой-нибудь ухарь закутил, напился... и – «Как я счастлив!».

– Ладно вам! Вы же понимаете, что это совсем другое. По-вашему, выходит, что счастье – понятие относительное.

– По-моему, это слово показывает всего лишь определенное эмоциональное состояние человека и как он на него реагирует.

– А вот мне кажется, что это – индикатор духовного состояния.

– Ой, не знаю, не знаю... Множественное число от несчастья – это вообще, на мой взгляд, неологизм. Вошло в оборот по мере того, как человек стал обвешивать себя всяческой житейской мишурой. Одна ручка, еще одна... Один телефон, второй... Еще автомобиль...

– Вот мы и встретились! Обмирщение себя – это и есть отход от Бога. Значит, чем больше обмирщаешься – тем дальше уходишь от Него – тем больше несчастий.

– В этом смысле я согласен с вами. Счастье – это нечто цельное, неделимое...

– И достижимо оно при максимальном приближении к Господу. И раз вы

не думаете, как сказали, счастливы вы или нет, значит, вы – счастливый человек.

– Важно не каким вы меня считаете, а каким считаю себя я сам. Мне запомнилось такое определение здоровья: это когда я чувствую себя здоровым. Хотя при этом у меня может быть куча болячек.

– **А может быть счастлив человек, живущий вне Бога?**

– Почему нет? Просто тогда у этого «счастья» иное наполнение.

– **Какое «иное»?**

– Приземленное, что ли... Материальное.

– **Не оттого ли, что представление о счастье сейчас больше смещается в сферу чувственных ощущений?**

– По-моему, уже сместилось. Если для человека быть счастливым значит, прежде всего, быть здоровым, – это еще не столь губительно для души. Но когда эквивалентом становится новая модель автомобиля или модная комнатная собачка – жди беды. Не здесь, на Земле, а там... «За гранью смертельного круга».

– **А если, допустим, счастье – это когда душе хорошо, когда испытываешь душевный комфорт?**

– Кому-то, возможно, и так. Ведь и душевный комфорт – штука достаточно эфемерная. Православная традиция оперирует другими словами и понятиями: страсти, бесстрастие...

– **Обратите внимание: у страстей тоже есть множественное число, а у бесстрастия – нет. Так что замены вполне адекватны.**

– Вы так считаете? Если у меня нет страстей, это еще не значит, что я счастлив. Наверное, лучше ответил бы человек, который действительно бесстрастен. О себе я такого, к сожалению, сказать не могу. Но само состояние душевного комфорта с очень большой натяжкой, думаю, можно отождествить с состоянием счастья. Бесстрастен тот, кому ничего не надо. Счастлив – кому тоже ничего не надо.

– **Кроме единения с Богом.**

– Если понимать под этим абсолютное исполнение воли Божией. К чему тогда задумываться: счастлив ты или нет? Разве ты считаешь себя счастливым оттого, что, допустим, дышишь? Это просто нормально. Так и жизнь с Богом. Такие ключевые для православной веры понятия, как страсти и бесстрастие, в светской жизни, в миру с трудом находят себе место. Предпочтительнее оказываются понятия счастья и несчастья, которые, как правило, имеют вполне конкретное материальное наполнение. Безудержный рост потребительских запросов – это, по сути, борьба

против Православия на уровне массового сознания. Под эти слова – счастье, несчастье – упрятавается то, что действительно должно быть в центре внимания, – борьба со страстями. Если я отрекся от сатаны, то это не только в тот момент, когда меня крестили, а должно быть постоянно, неостановимо и неукоснительно. Он же постоянно нападает на меня. Каким образом? Через мои страсти. Значит, я должен постоянно их укрощать, с ними бороться, не оставлять их в себе. Если я так настроен.

– **А как иначе может быть настроен монах?**

– Всяко. Он – человек, как все. Только страсти точат монаха изнутри. В миру люди подвергаются искушениям преимущественно извне. А чтобы совесть не очень обличала, неудобные слова прячут, заменяют другими, наделяют смещенным смыслом. Прелесть, страсть – в миру они даже с позитивным оттенком, верно? Поэтому я не думаю, что *душевный комфорт* содержит в себе тот же смысл, что, по святоотеческому учению, и *бесстрастие*. Комфорт – само по себе скользкое слово. Жизнь для себя, в свое удовольствие. Это не антитеза монашеству. Но гедонизм становится чуть ли не определяющим, так? Впрочем, почему теперь? Человека почти от рождения готовят к этому мировосприятию. Родительское тщеславие передается по наследству, как гипертония. И так было всегда и всюду, где ослабевала вера.

– **А вы живете комфортно? Не комфортно – именно комфортно. Вам удобно живется?**

– По-разному.

– **По-разному живется всем. Меня интересует: в целом?**

– Но целое невозможно без его составляющих. Где-то ты сумел преодолеть свои страстные порывы, своих непрошенных гостей – помыслы, а иногда не преодолел и чувствуешь себя виноватым перед Богом, перед людьми... Здесь живут другие характеристики и понятия. А счастье, комфортность... они только скрадывают то, что на самом деле происходит. Может быть, именно поэтому эти слова – не из моего обихода.

– **Отец Философ, смотрите: есть три категории людей – монахи, верующие миряне и просто светский народ...**

– Есть миряне, живущие в монастыре. Монахи, которые не борются со своими помыслами и страстями. Живут, как обычные мирские люди. Хотя для христианина, где бы он ни жил, борьба со страстями – главный императив. И не только повторять, для монахов. Нельзя говорить, что

аскетизм – это удел только черноризцев. Аскетизм должен быть присущ любому. Живущий в миру должен трудиться, содержать семью, должен проявить себя на работе. Так много всего, что нет возможности думать о себе как о центре всего сущего. Иными словами, есть обязанности, которые надо выполнять. А это уже в какой-то мере аскетизм, потому что заставляет от чего-то отказываться. Счастлив от этого человек или нет?

– **Можно сформулировать иначе: от чего человек счастлив – реализуя свои права или выполняя обязанности?**

– Смотря какой человек.

– **По аналогии со сказанным вами, что в монастыре можно оставаться мирским, получается, что, живя в миру, можно быть монахом внутренне?**

– Конечно. Есть очень интересная книжечка, не помню ее автора, он бывший летчик, называется «Петушки обетованные». Знаете Петушки?

– **Еще бы! Венчик Ерофеев.**

– К сожалению, он сделал из этого слова образ не очень привлекательный. А Петушки – святое место.

– **Да что вы!**

– Если вы найдете эту книжку, увидите: Петушки связаны со святителем Афанасием (Сахаровым). Он там жил много лет. Но я сейчас вспомнил о ней потому, что там есть описание жизни нескольких женщин, которые, не будучи инокинями, достигли такого высокого духовного уровня, что могут позавидовать живущие здесь, на Святой Горе. Так что суть не в том, где ты живешь, а в том, как живешь.

– **Но как этому научиться? Как научиться быть с Богом?**

– В Евангелии дается совершенно конкретное и потому более точное определение: любить Бога. Быть – всего лишь входит в понятие любить.

– **Согласен. Но вы не ответили на мой вопрос.**

– Можно, я без высоких материй? Нужно слушаться Его. Видеть, слышать Его. Делать так, как Он хочет. Ведь в чем суть и смысл любви? В том, что я стараюсь жить не по своей воле, а по воле Того, Кого любишь. Для этого, как вы понимаете, необходимо распознать Божию волю. Но человек – такое существо, что и распознав, и даже, как ему кажется, любя Бога, все равно способен на своеволие. И примеров тому – не счесть. Так что мало знать, чего хочет от меня Господь, – надо еще и хотеть поступить по-Божески. Вот что, по крайней мере для меня, означает быть с Богом. Но чтобы этого состояния достичь, надо над собой работать очень серьезно.

– Простите, но это общие слова. Что такое «работать очень серьезно»?

– Прежде всего – понять, что мне мешает выполнять волю Божию. И укрощать свои собственные желания. Потому что из желаний человека мало что путного происходит.

– Если честно, не так уж, наверное, трудно знать, чего хочет от тебя Господь.

– Очень легко. Научиться этому можно одним способом – постоянно проверять себя на один и тот же предмет: а верно ли я сейчас поступил? А почему я это делаю? И честно ответить себе: потому что выгодно, потому что получу от этого прибыль. Когда Господь зовет, там тебя ждут, в основном, трудности. Даже, по-житейски, несчастья. И в бытовом понимании человек, следующий голосу Божию, крайне несчастен.

– Иов, да?

– Именно он. Нищий, в гноище сидит, а считает себя при этом рабом Божиим. Счастлив, несчастлив – об этом и мысли нет. Если возвращаться к предмету нашей беседы: для человека духовного, живущего с Богом, – одна шкала ценностей, а для безверного – другая. Отсюда: одно и то же понятие имеет разное смысловое наполнение. Главное – всегда помнить: все, чего ты желаешь, – тебе же во вред.

– Вы на Афоне уже пятнадцать лет. Практически безвылазно. Чувствуете оторванность от жизни?

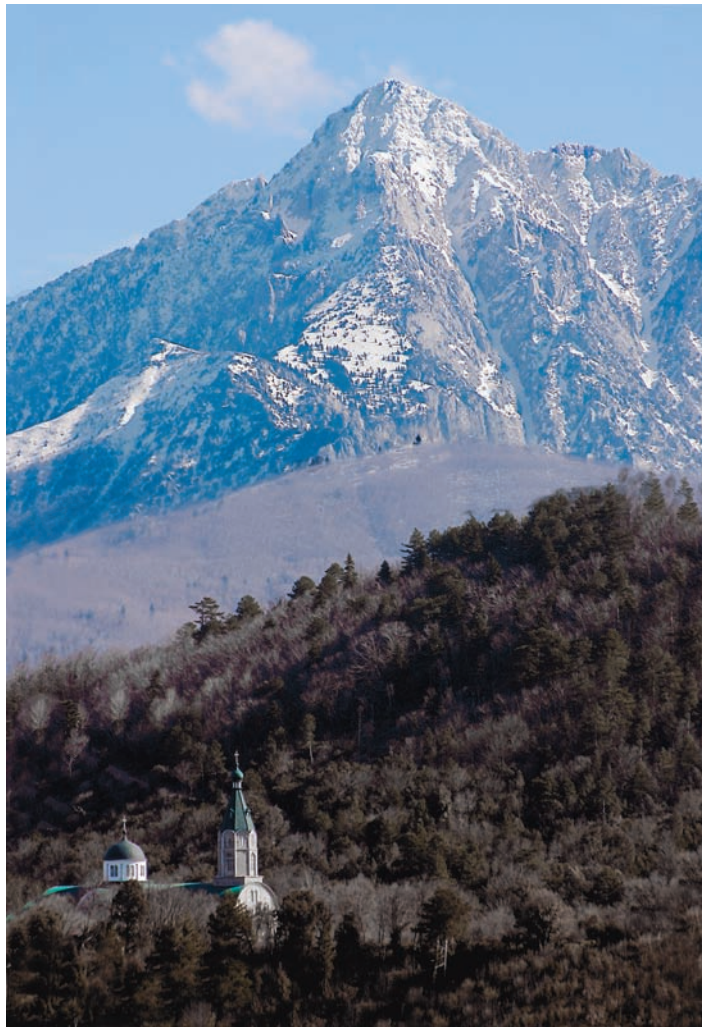
– Смотря что понимать под жизнью. Это опять к вопросу о смысле понятия. Не подумайте, я не противопоставляю один образ жизни другому. И не сравниваю. А к чему вопрос?

– Возможно, здесь вам не так заметно, как быстро мир отходит от веры...

– К сожалению, заметно.

– Отчего так? Серафим Саровский говорил: «Человек – существо подпорченное». Может, это процесс подпорченности ускоряется, как, допустим, истекает срок хранения продукта в холодильнике. А может, виноваты способы передачи информации – быстрее доставляют порчу и мгновенно обнародуют все дурное.

– Все вместе действует. Взять XIV–XV века. Письмо идет несколько недель, а то и месяцев. За это время чего только не

Святая гора Афон. Вершина

передумаешь, а может, Господь управит и все решится. Здесь мы тоже живем более насыщенно, пользуемся теми же инструментами, что и во всем мире, и это неизбежно. Отчасти оно помогает, отчасти мешает. Другое дело – глубина погружения в действительность, степень подчинения вызовам времени. Средства коммуникации сейчас действительно очень развиты и мощно воздействуют на людей. Настолько мощно, что человек перестает заботиться о своих отношениях с Богом, с семьей... Как противостоять? Больше думать о Боге, о доме, о близких, о себе, наконец. Но при всем при том главным остается все же встреча со своими страстями.

– Может, это в вас монахи говорят?

– Но разве только монахи нуждаются в спасении? Все мы знаем собственные страсти. И мы либо боремся с ними, либо культивируем их в себе. Это – правило для всех.

– За эти годы вы не выезжали в Россию?

– Выезжал, и не раз. С мощами апостола Андрея, несколько раз по делам Фонда...

– Вы имеете в виду Международный фонд помощи монастырю? От него в самом деле действенная помощь? Не номинальная?

– Очень действенная. Видели, сколько построено, сколько восстановлено?

– Греки к этому спокойно относятся?

– Ну... смотря какие. Некоторые, например, были раздражены, когда в апреле мы праздновали тысячелетие пребывания русских на Афоне. Они не были против самой даты, но их якобы не поставили в известность, хотя в действительности все не так. А в целом отношение к нам вполне христианское. Сейчас это особенно важно, как важно и для всей России...

– Когда были на родине, сердце не щемило?

– В каком смысле?

– Ну, воспоминания, сожаления...

– А за воспоминаниями ездить никуда не надо. Они всегда с тобой. Если вы имеете в виду сожаление о принятом когда-то решении – ни на йоту ни о чем не сожалею. Как вообще можно сожалеть, когда на то воля Божия?

– А на то, что сейчас делается в России, вы считаете, тоже воля Божия?

– А как же! Я бы сказал больше: милость Божия. Православным людям действительно нужно смотреть на то, что происходит в стране, как на проявление милости, которую оказал Господь. Понятно, не сам по себе Путин все делает. Но как-то Господь его ведет. Не только его, разумеется. Один бы он, я думаю, не справился. А как сложились отношения между мирскими властями и церковными? Разве это просто чье-то людское хотение? Такого согласия вообще никогда не было в истории. А частности, которые стоит критиковать? – они всегда были и всегда будут. Во все времена.

– Наверное, потому что во все времена были и будут счастливые и несчастливые люди.

– Вы имеете в виду: те, которые с Богом и которые без Него? Тут я с вами полностью согласен.

– Помоги вам Господь и впредь подниматься в гору.

– И вам помощи Божией.

Святая гора Афон

Счастье у каждого свое

Лампада. В самом деле, почему? Несчастий может быть тьма, а вот счастье только одно. Наверное, счастье – это когда душе хорошо, душевный комфорт.

Алексей Варламов. Я помню, как вопрос про счастье задали писателю Леониду Юзефовичу на встрече с читателями в городе Лабытнанги (на Ямале). И Юзефович очень точно заметил, что счастье, как правило, бывает в воспоминаниях. Проходит время, и мы понимаем, что были в какой-то момент счастливы, но именно так – ретроспективно, а при самом свершении счастья его не ощущали. Так вот, продолжая его мысль: несчастье чаще переживается в момент его происхождения, и в этом его главное отличие. Больше того, со временем то, что казалось нам несчастьем, может предстать совсем в другом образе. А еще есть замечательные высказывания на тему счастья у Достоевского и у Пришвина. Первый писал о том, что человеку для счастья требуется столько же счастья, сколько и несчастья. А второй любил мысль о том, что счастье – это измерение жизни в ширину, а несчастье – в глубину.

Со своей стороны, я бы сказал, что у счастья два врага – гордость и зависть. И чем менее человек им подвержен, тем он счастливее.

Л. В таком случае хочется спросить: а что такое душевный комфорт, что это за состояние?

А.В. А душевный комфорт, если судить по-толстовски строго – это подлость, равнодушие, окаменение чувств, а если не строго, то согласие с самим собой, со своей совестью. Это очень хорошо у Носова описано в повести «Незнайка в Солнечном городе», когда этого сорванца, хулигана, но при этом абсолютно счастливого мальчика вдруг начинает мучить совесть, нарушая спокойное, радостное состояние души (но все-таки не комфортное).

Л. От верующего человека ответ очевиден: счастье, или душевный комфорт, означает только одно – быть с Богом. Вы с этим согласны?

А.В. Комфорт и Бог – понятия, которые не стыкуются даже стилистически. Но это – как известная мо-

Писателю Алексею Варламову был задан главный вопрос темы номера: «Счастье, в отличие от несчастья, не имеет множественного числа. Почему?». Но кратким и односложным ответом обойтись не удалось.

настырская притча: брат такой-то видит ангелов. Лучше бы он видел свои грехи. Так что для верующего человека по высшему счету быть с Богом – это, наверное, значит осознавать свою греховность, но не впадать в отчаяние. Хотя иногда это очень непросто. И здесь как раз и церковь, и молитва, и книги – лучшие помощники.

Л. Но тогда хотелось бы услышать: а что такое быть с Богом? И как этому научиться?

А.В. Научиться тут ничему нельзя. Можно разве что поделиться опытом. Мне представляется, хоть я до конца в том и не уверен, что быть с Богом – это значит испытывать нефарисейскую благодарность за мир, Им сотворенный, за любовь, красоту, и – мытарское покаяние за свое несоответствие этим благам, к которым мы все равно причастны, ибо солнце одинаково восходит над добрыми и злыми и большинство благ мы получаем не по заслугам.

Л. А как же тогда неверующие люди? Что нужно им для душевного комфорта? Им не дано познать счастье?

А.В. Почему же? Очень даже дано. Во-первых, тут надо разобраться, что это за порода такая – неверующие люди. Зачастую они могут быть и по образу жизни, и по душевному настрою куда более верующими, чем многие из нас. А во-вторых, семья, любовь, здоровье, работа – это все ценности, общие для всех. Я так думаю, что у Господа, как у садовника, есть свой замысел о каждом, и «режим полива» для нас для всех разный. И этот замысел распространяется и на «верных», и на «неверных». А точнее – это деление несколько условно. Цель жизни совершенно точно заключена не в том, чтобы быть счастливым. Но без хотя бы временного переживания счастья, пусть и как воспоминания, счастья нет. Но – есть покой и воля.

Л. Верно ли, что в сегодняшнем секулярном мире душевный комфорт, как правило, обеспечивается комфортом телесным, бытовым – материальным благополучием, удобными условиями жизни и т.д.?

А.В. Если мы говорим о комфорте, то да. Однако у меня есть такое ощущение, что платой за комфорт становится обезличивание и измельчание человеческой природы. Раньше люди были крупнее, сложнее, интереснее.

Л. Не отсюда ли идут все усиливающиеся нападки на Церковь (в частности, на Русскую Православную Церковь), что она не благословляет бездумную тягу людей к удобной жизни, но, напротив, призывает к сдержанности, к обузданию страстей и желаний?

А.В. Нападки могут по разным причинам идти. Конечно, кому-то Церковь мозолит глаза, мешает, нарушает тот самый пресловутый «комфорт», но сводить все лишь к этому – значило бы картину упростить. Ненависть к Церкви – вещь пассионарная, и она скорее исходит от тех, кто ставит во главу угла не вялый комфорт, а свою агрессивную систему ценностей. На-

пример, сегодняшние попытки переосмотреть традиционные отношения между полами.

Л. Как сегодня верующему человеку удержаться на том царском пути, который единственно ведет к спасению, к единению с Богом, то есть к счастью? Отгородиться от мира, изолировать от него себя и своих близких? Но этот путь может привести к сектантству. Это и практически не реально. А если с миром соприкоснуться, взаимодействовать с ним, то как при этом «не участвовать в делах тьмы»?

А.В. Опять же каждый должен это понять для себя. Тут – как в творчестве.

Как написать роман или сочинить мелодию? Повторить уже сотворенное? Это мало что даст. Да и не получится превзойти оригинал. Иди ищи свою тропу, а для этого будь внимательнее и приглядывайся к тому, что посылает лично тебе Господь, постарайся понять Его замысел о тебе. Кто ты в Его земном саду и чего Он от тебя ждет? Кому-то надо держаться подальше от мира и его соблазнов, а кому-то лезть в самую гущу. Но если бы мы это знали сразу, без ошибок, поисков, падений, то и жить было бы неинтересно.

Л. Согласитесь ли вы с таким наблюдением? В слове «богатый» при-

сутствуют: часть речи – существительное «бог» – и морфема, суффикс «-ат», который означает наличие чего-то (волосатый и пр.). Следовательно, богатый – это тот, кто имеет Бога. И так было изначально. А уж потом люди стали заменять Бога «эквивалентами». И подобно тому, как единственное подлинное богатство – это наличие Бога, так единственное подлинное счастье – это быть с Богом. Потому-то слово «счастье» и не имеет множественного числа.

А.В. Как с метафорой – безусловно. А счастье потому единственно, что у каждого свое.

Счастье как среднее арифметическое... только вот чего?

Когда-то кому-то пришло в голову упорядочить представление людей о счастье. А то в обществе сплошной разнობой. Одни не чувствуют себя счастливыми, однако глянешь на них – и от зависти дух захватывает. Другие – напротив – счастливы безмерно, хотя живут – лучше в петлю головой. Как же тут распределить всех исходя из размеров счастья, приходящегося на душу человека, народа, города, страны?

Ведь одно дело чувствовать себя счастливым, а иное – быть им. Казалось бы, и то, и другое мало чем отличаются друг от друга: раз, мол, ты чувствуешь себя счастливым, значит, таков ты и есть. Но это на первый взгляд. В действительности же *чувствовать* и *быть* – субстанции полярно противостоящие. Первая – сугубо внутреннего свойства, определяемая личным самоощущением. Вторая – то, как ты выглядишь со стороны, то есть каким тебя считают люди. И это, второе, может оказаться решающим: ты будешь говорить, как ты несчастлив, а тебе в ответ: «Да брось ты! Гляди, какие у тебя показатели».

И вот кто-то когда-то предложил Международный индекс счастья (по-английски Happy Planet Index). Разумеется, это было «там», «у них», поскольку чего уж нам мерить чужое счастье, нам бы со своим разобраться. Индекс этот отражает благосостояние людей и состояние окружающей среды и таким образом определяет место той или иной страны в дружной семье государств планеты.

В прошлогоднем списке соискателей значилось 156 стран. Первое место заняла Дания (7.693), последнее – Республика Того (2.936). Наша Россия в верхней половине – 68 (5.464). Разумеется, до лаврового венка еще далеко, но все же не очень стыдно. Во всяком случае, мы оказались «счастливее» Эстонии, Португалии, Грузии, Азербайджана...

На что хочется обратить внимание, У этого самого индекса нет названия. Цифры и всё. Но что они показывают? Число улыбок на душу населения? Или количество непролитых слезинок? Или объемы выхлопных газов как показатель

роста автопарка? В том-то и суть, что ничем из вышеназванных и неназванных материальных благ степень полноты счастья определить невозможно.

Годом раньше было проведено аналогичное исследование в ста российских городах. Опрос показал, что люди, придавая значение материальному благополучию, никак не ставят его на первое место. А важные стороны жизни – экология, уровень безопасности и ощущение перемен к лучшему там, где живешь. То есть отнюдь не «бабки» – весь свет в окне. Результаты, надо сказать, оказались довольно неожиданными. Возглавляют сотню Грозный, Тюмень, Сургут, Сочи... Москва – в середине списка (53), Санкт-Петербург – на 16 месте. Замыкают: Братск, Южно-Сахалинск и Чита. Так что теперь мы знаем, куда ехать за счастьем, а от чего – воздержаться.

Полутора тысячам человек социологи задали вопрос: *Верным или неверным, с Вашей точки зрения, является утверждение: «Я счастливый человек»?* Вот как распределились ответы:

Положительно ответил 71 процент россиян; особенно много среди них студентов, учащихся, предпринимателей и руководителей. Чаще всего относят себя к счастливым люди с высшим образованием. Вот какое противоречие с предыдущими данными. Если помните, Москва занимала не лучшее место в сотне городов, а оказалось, что среди счастливых очень много москвичей. Как так? Не понятно...

Среди согласившихся с утверждением о своем счастье несколько больше, чем в среднем, верящих в чудо, в воскресение после смерти и считающих, что «Бог это Любовь». О смерти счастливые (по самоопределению) думают реже, чем считающие себя несчастными, однако они чаще знают людей «кому вера в Бога помогла справиться с болезнью».

На этом, наверное, можно было бы закончить рассказ о мировом индексе счастья. Потому что сколько ни дели валовой продукт на душу населения, без Бога душа – все равно ничто. Где уж ей быть счастливой?

...Являясь неммым укором для многих О митрополите Казанском Кирилле (Смирнове)

Выбор. Стремительное, как выстрел, короткое, но до чего емкое слово! Он возник перед человеком, как только Создатель наделил того свободой воли, то есть изначально. И когда и как бы ни стремился человек уйти от решения проблемы выбора, пусть даже в тот момент у него выбора и не оставалось, такое было невозможно, потому что уже одно это становилось его выбором.

Выбор всегда был с человеком и при человеке. Как его тень.

В XX веке Православная Церковь в России оказалась перед лицом беспрецедентных по силе, продолжительности и массовости гонений. Государство, которое всегда поддерживало церковь, после революции официально объявляет себя безбожным и провозглашает борьбу с ней своей государственной политикой. Определить, как относиться к богоборческой власти в новых условиях, и выстроить церковную деятельность было непростой и творческой задачей. Она не решалась в плоскости привычных понятий. Жизнь под прессом заставила пересмотреть и переосмыслить многое.

Положение епископов меняется коренным образом. В дома к ссыльным иерархам приходили духовные чада – за советом, за пастырской помощью, иногда просто за куском хлеба. Везде и всюду, тайно, в домах и на квартирах, в тюрьмах и ссылках, совершалась литургия. Но теперь богослужебные сосуды и облачения приходилось изготавливать самим, из подручных материалов, служить могли на лагерной пайке и ягодном соке. Если не было антиминса – богослужебного плата с вшитыми частичками мощей, на котором совершается евхаристия, – то такими «мощами» становились сами священнослужители: один ложился, и служили у него на груди. Но, при всей простоте, это богослужение было живым и действенным для его участников, поскольку теперь оно было тесно связано с жизнью, с приобщенностью Кресту Христову.

Среди всех епископов Русской Церкви наибольшим авторитетом в то время пользовался митрополит Казанский Кирилл (Смирнов). В завещательном распоряжении патриарха Тихона, обнародованном после его кончины на Благовещение 1925 года, митрополит Кирилл был назван первым, к кому

переходят патриаршие права и обязанности до выбора нового Патриарха. Однако из-за постоянного пребывания митрополита Кирилла в узах и ссылках выполнить посмертную волю Патриарха Тихона не удалось. Русскую Церковь возглавил третий из названных кандидатов – митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Тем не менее, митрополит Кирилл оставался одним из

Евгений Александрович, вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь

Из беседы митрополита Кирилла (Смирнова) с начальником отдела ГПУ Е.А. Тучковым

самых уважаемых пастырей церкви, к которому обращались за советом и в сложных церковных ситуациях. Его авторитет укрепляли духовное благородство и аристократизм.

«Образ митрополита Кирилла Казанского, конечно, неизгладим из памяти. Высокий, очень красивый, еще сильный, несмотря на большие годы, он нес свое величие и светлость по тюрьмам и этапам России. Помню его входящего, точно в богатую приемную залу архиерейского дома, в нашу маленькую и невероятно клопину камеру вятской тюрьмы. На нем была не громоздкая и нелепая шуба, а теплый меховой подрясник, твердо опоясанный ремешком, как древний кафтан, высокая меховая шапка и шарф, закрученный поверху, с концами за пазухой, как это делали когда-то московские извозчики. Это был Илья Муромец, принявший под старость священство».

Это строки из «Воспоминаний» Сергея Иосифовича Фуделя, бывшего на этапе в Коми-Зырянском крае вместе с владыкой, где тот находился с 1923 по октябрь 1926 года. Места были настолько глухими и пустынными, что митрополиту Кириллу приходилось, поймав рыбу самодельной удочкой, варить ее в консервной банке. Несмотря на все трудности, владыка держался с до-

стоинством. Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой вспоминал о митрополите Кирилле, бывшем с ним в одной камере Таганской тюрьмы в 1921 году: «С достойной простотой нес он свой крест до конца, подавая пример многим и являясь неммым укором тоже для многих».

В начале 1920-х годов в тюрьме еще иногда смотрели сквозь пальцы на то, что арестанты совершают богослужения. Известный церковный проповедник Владимир Филимонович Марцинковский, союзник митрополита Кирилла, оставил воспоминания о тюремной литургии: «По многочисленным просьбам заключенных богослужения были разрешены, и для них было отведено

в тюрьме школьное помещение. Это был небольшой светлый зал, со школьными скамьями. На боковых выступях стен портреты: слева Карла Маркса, справа –

Троцкого. В этом импровизированном храме не было иконостаса. Вот стол, покрытый белой скатертью, и на нем Чаша для совершения Тайной вечери, крест и Евангелие. Все просто, как, может быть, было в первохристианских катакомбах. Семисвечник сделан арестантами из дерева. Служит обычно митрополит Кирилл, обладающий величественной фигурой, высокий, с правильным лицом и широкой седой бородой. Сослужают ему епископы Феодор и Гурий. Тут же стоят игумен Иона, с сосредоточенным, несколько суровым лицом, и отец Георгий, простой и серьезный. Управляет хором бывший обер-прокурор Священного Синода А.Д. Самарин. А как поют! Только страдание может так одухотворить песнопение. Поют также и многие из предстоящих. Как много души и глубокого переживания вкладывается в слова Евангелия: Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

Совершение литургии и пастырская забота и в неволе были предметом усилий владыки. «Наша епархия теперь вот! – сказал как-то митрополит Кирилл, широким жестом показав на сидевших в комнате двух-трех близких ему людей. – Теперь мы совсем по-

иному должны осознавать свои задачи. Довольно мы ездили в каретах и ничего не знали...» (из «Воспоминаний» С.И. Фуделя).

Есть и еще не менее убедительное подтверждение позиции владыки: «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским. Ныне отняты пастыри от пасомых именно для того, чтобы перед лицом суда каждый совершенно самостоятельно избрал путь свой – ко Христу или от Христа, причем и пастыри судятся, как рабы. [...] Все наши усилия теперь должны быть направлены на установление прочных духовно-благодатных связей между пастырями и пасомыми, тогда в настоящую бурю Церковь будет непоколебима пред лицом еще более тонких соблазнов и без храмов», – пишет митрополиту Кириллу епископ Дамаскин (Цедрик). Когда в 1934 году при обыске у него находят это письмо, владыка Кирилл открыто говорит о своем единомыслии с епископом Дамаскиным.

Важнейшей церковной полемикой этого времени становится переписка митрополита Кирилла с митрополитом Сергием (Страгородским).

Расхождение позиций двух иерархов началось в 1927 году, когда встал вопрос о подписании декларации о лояльности богоборческой власти. Декларация была еще и «тестом»: кто из церковных иерархов за, а кто против. Поэтому ГПУ навязывало Церкви подписание документа. Но у Церкви тоже были свои интересы, в частности легализация церковного управления. На этом и играл начальник VI Секретного отдела ГПУ Е.А. Тучков¹. Церковь в то время была практически обезглавлена – Местоблюститель Патриарха митрополит Петр (Полянский) отбывал ссылку. Тучков пытается «договориться» с наиболее вероятными кандидатами на пост заместителя Местоблюстителя — митрополитами Кириллом и Сергием. Зимой 1927 года оба находились в заключении, что тоже могло сделать их сговорчивее.

¹ Евгений Александрович Тучков – начальник VI Секретного отдела ГПУ. Под руководством этого человека, закончившего лишь 4 класса приходской школы, была проведена колоссальная работа по расколу и дискредитации церкви и ее лучших деятелей. Тучков — автор обновленческого и григорианского расколов; он создал текст Декларации 1927 года о полной лояльности Русской церкви советской власти.

Митрополит Кирилл (Смирнов)

В середине февраля 1927 года Тучков приехал в вятскую тюрьму к владыке Кириллу и предложил фактически возглавить Русскую Церковь и легализовать церковное управление. Но, кроме подписания Декларации, ОГПУ выдвигало ряд дополнительных условий: удалить с кафедр неугодных власти епископов или запретить их в служении, официально прекратить поминать их за богослужением, но при этом поминать власти, осуждать любые антисоветские выступления, наложить прещения на эмигрантское духовенство, согласовывать с ОГПУ кандидатов на архиерейские кафедры.

Предание сохранило знаменательную часть разговора Тучкова с митрополитом Кириллом:

– Если какой-либо иерарх окажется для нас неприемлемым, вы должны его заменить.

– Я подчиняюсь и скажу ему: «Брат! Я ничего не имею против тебя, но гражданские власти требуют...».

Тучков замахал руками.

– Нет, нет! Так не нужно! Вам следует подыскать для удаления церковные мотивы.

Тогда митрополит Кирилл произнес свою знаменитую фразу:

– Вы не пушка, а я – не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь!

После этого Тучков сделал аналогичное предложение владыке Сергию. 2 апреля 1927 года митрополит

Сергий (Страгородский) выходит из тюрьмы...

Уже в конце 1927 года начинаются аресты иерархов, священников и мирян за отказ принять Декларацию, а заместитель Патриаршего Местоблюстителя налагает прещения на выступающих против учреждения Временного Патриаршего Синода².

Эти шаги вызвали напряжение в церковной среде. На имя митрополита Сергия стали приходить письма с выражением протеста против новой линии Патриархии и с призывами отказаться от нее. По стране начали распространяться протестные послания, обращения, воззвания с критикой Декларации и осуждением церковной политики заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

К митрополиту Кириллу, находившемуся в это время в ссылке в Туруханском крае, обращаются церковные иерархи и священнослужители с вопросом о его оценке церковной ситуации. До этого времени он молчал, стремясь точнее определить свое отношение к происходящему. Понимая, что его слово имеет серьезный вес в церковных кругах, он опасался навредить Церкви поспешным высказыванием. Но теперь, увы, все уже ясно, и в мае 1929 года владыка отвечает на вопросы, присланные ему из Казанской епархии, а копию ответа «для сведения» отправляет митрополиту Сергию. Иерархи обмениваются несколькими письмами.

Владыка Кирилл убежден, что митрополит Сергий превысил данные ему митрополитом Петром полномочия. Поэтому центральным местом в их полемике становятся именно полномочия и границы прав митрополита Сергия. Пререкаемым вопросом для многих иерархов, клириков и мирян стало подписание Декларации 1927 года и учреждение Временного Патриаршего Синода. По их мнению, это было недопустимо, поскольку превышало компетенцию митрополита Сергия – За-

² Временный Патриарший Синод был образован митрополитом Сергием в мае 1927 года как орган церковного управления. С самого начала своего существования его статус был пререкаемым. Основным нареканием было искажение патриаршего образа управления церковью. Все важнейшие акты церковной власти в 1927–1935 гг. принимались заместителем Местоблюстителя вместе с Временным Патриаршим Священным Синодом.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

к делу № 7

г. Москва мес. 16 дня Я. Толмачев, наместник 3-го С/О
(должн., наместн. органа, филиала)
 Толмачев допросил в качестве

1. Фамилия Смирнов
2. Имя и отчество Константин Владимирович (псевдо. Кирилл)
3. Дата рождения 1863
4. Место рождения г. Кронштадт
5. Место жительства г. Тавричск Самарской обл.
6. Нац. и гражд. (подданство) Русский, гр-н СССР
7. Паспорт Товарищеский паспорт багдан в
(когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)
маября 1944г. Т. паспорт, номер 111111 в Красноярск.
8. Род занятий Служащий в рев. Курьей
(место служб и должность)
(митрополит)
9. Социальное происхождение из семьи служб.
(род занятий родителей и их имущественное положение)
религиозного курья (отец - помещик)
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
 - а) до революции епископа в Тамбовке
 - б) после революции митрополит
11. Состав семьи сестра Гурова Анна Владимировна жила
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
в Кронштадте на иждив. служащих сестр.
Митрополит Кирилл Смирнов

меститель Патриаршего Местоблюстителя не имел права учреждать новые служебные учреждения и, тем более, коренным образом изменять систему церковного управления.

Однако митрополит Сергей не соглашался с ограничением своих прав в должности заместителя Патриаршего Местоблюстителя и не признавал, что его деятельность принесла серьезные изменения в жизнь Церкви. По его мнению, он обладал равными правами с митрополитом Петром (Полянским). Образование Временного Синода он рассматривал как продолжение линии патриарха Тихона, также учредившего при себе Синод в 1923 году, но вынужденного его распустить в 1924 году из-за отказа властей зарегистрировать его. Однако митрополит Кирилл подвергает критике его позицию – «это справедливо только для линии внешних действий Святейшего» – и подчеркивает, что в случае равенства прав Местоблюстителя и его заместителя в Русской церкви было бы две главы. «Но этого в Церкви быть не может, и Ваши права в ней – только отражение прав митрополита Петра и самостоятельного светолучения не имеют».

в жизни церковной спорных учреждений, быть может полезных в некоторых житейских отношениях, но не могущих этой пользой погасить вред, причиненный неподобающим порядком своего возникновения».

В дискутируемых вопросах важно было, какую позицию занимал Патриарший Местоблюститель Петр (Полянский), поэтому митрополит Кирилл настоятельно попросил передать их переписку «на усмотрение патриаршего местоблюстителя Высокопреосвященнейшего Петра, митрополита Крутицкого, как действительно первого епископа страны». Митрополит Сергей проигнорировал эту просьбу и отправил митрополита Кирилла на покой. Между тем, сведения об этой переписке

Митрополит Кирилл обращается к пастьерской ответственности митрополита Сергия. Ему, вставшему во главе Русской Церкви, следует позаботиться о том, чтобы не подвергнуть соблазну вверенных ему пастьрей и пасомых: «Думаю, что эти души и их ничем не смущаемая совесть в общении с Церковью и ее служителями гораздо ценнее для Церкви и важнее для общего в ней спасения, чем настойчивое сохранение

все-таки дошли до митрополита Петра. В конце 1929 – начале 1930 года он написал два письма митрополиту Сергию, в которых выразил свою скорбь от происходящего и потребовал вернуться на прежний путь управления Церковью. Однако оба письма митрополита Петра остались без ответа. Так окончился этот важнейший экклезиологический спор, в очередной раз в истории поднявший вопросы о том, как Церковь должна жить в мире сем и какова мера возможного компромисса, на который можно пойти христианину, оставаясь верным Христу.

В 1930-х годах гонения на церковь усилились. К началу 1940-х годов практически весь епископат был уничтожен, находился в лагерях, тюрьмах и ссылках. Примерно со второй половины 1940-х начинает меняться понимание епископского служения. Оно уже не воспринимается как кратчайший путь на Голгофу, уходит на второй план и образ епископа-пастьря, уступая другому пониманию. Государственной властью епископ начинает восприниматься в первую очередь как более или менее крупный чиновник и администратор.

Всю оставшуюся жизнь митрополит Кирилл провел в изгнании, тюрьмах и ссылках, и мученически закончил жизнь в Лисьем овраге близ Чимкента 20 ноября 1937 года. Митрополит Сергей в 1935 году распустил свой Синод, в 1936 – после ложного известия о смерти митрополита Петра – стал Патриаршим Местоблюстителем, а на Архиерейском соборе 1943 года, собранном «большевистскими темпами» по указанию Сталина, был избран патриархом. Его патриаршество продолжалось всего полгода – 15 мая 1944 года он скончался.

В 2000 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви прославил митрополита Кирилла (Смирнова) в лике новомучеников российских.

Наталья Игнатович,
 магистр богословия

Об авторе. Наталья Дмитриевна Игнатович. Занимается историей Русской Православной Церкви и историей Отечества. Преподает в Свято-Филаретовском православно-христианском институте в Москве. Любит работать с источниками в архивах. Углубленно исследует историю Крестовоздвиженского православного трудового братства и двух сельскохозяйственных школ в Воздвиженске, основанных Н.Н. Неплюевым в конце XIX века.

Крылья бабочки

Фото Евгения Глобенко

Недавно я заглянул на полку, где в углу лежат стопкой книжки моего детства. Многие из них выглядят очень скромно, но каждая – родная и чудесная. Сочетание сказочных слов, набранных ясным и красивым шрифтом, с дивными рисунками, теплой обложкой с затейливыми форзацами. Плод таланта и любви, нежности и высокого профессионализма.

Нам, родившимся в 1960-х, повезло: именно тогда в искусство детской книги пришли Май Митурич и Борис Диодоров, Ника Гольц и Георгий Калиновский, братья Трауготы и Виктор Чижиков...

«Безотчетное создание детской нежности моей...» – писал любимой девушке поэт Баратынский. Книга становится искусством именно в это мгновение – когда любовь художника безотчетна всему земному, когда сердце его исполнено *детской нежности*.

Самое короткое и самое, мне кажется, точное определение детства я услышал от священника Алексея Уминского: «Детство – это состояние бессмертия».

И правда: мы помним свое детство именно как состояние безбрежности бытия. Травинка, облако, бабочка, мама – все будут всегда.

Это счастье нежно, как пыльца с крыльев бабочки. Многие из нас приходят во взрослую жизнь и без этой божественной пыльцы, и без крыльев.

Борис Диодоров сберег свои детские крылья. И в тот момент юности, когда каждый оказывается на распутье, эти крылья подхватили его и перенесли в искусство детской книги.

И теперь кажется: это не он, а герои книг выбрали Бориса Диодорова себе в иллюстраторы. А герои эти всем знакомы: Винни-Пух и Дюймовочка, отважная Герда и озорной Нильс, Мэри Поппинс и Чиполлино... Мы помним их благодаря тем образам, которые нашел для них художник-иллюстратор.

Увы, компьютерный дизайн сегодня почти полностью вытеснил из процесса создания книги художника-иллюстратора. Вот уже почти четверть века прошла, как государство отказалось от участия в книжном деле. Исчезло знаменитое издательство «Малыш». Еле теплится «Детская литература», уже несколько раз перепроданная одним частным владельцем другому. Детская книга отдана на откуп бизнесу, который предпочитает иметь дело не с настоящими книжными художниками, а со сговорчивыми и невзыскательными ремесленниками, готовыми «сделать красиво» за небольшие деньги и в ударные сроки.

Противостоять этой беде отваживаются сегодня немногие. Одним из тех, кто взялся за спасение традиций отечественной детской книги, стал Борис Диодоров. В том возрасте, когда художники обычно пожинают плоды своей славы и

уединяются в тиши мастерских, Борис Аркадьевич набрал учеников и полностью посвятил себя их становлению.

Сегодня Борис Диодоров – профессор Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова, руководитель Центра полиграфических искусств «Печатный двор Ивана Федорова».

Созданная Диодоровым мастерская иллюстрации и эстампа – это место не только учебных штудий. Здесь спасается традиция, здесь идет воспитание художника, который должен иметь силы противостоять натиску «рыночных требований».

У Бориса Аркадьевича не просто открылись педагогические способности – явился дар вдохновлять молодых художников, укреплять их волю к деланию добра. Красивый, всегда элегантный и при этом стремительный, самоотверженный, для многих своих студентов Диодоров стал заботливым отцом. В день защиты дипломов с пяти утра он на ногах, вместе с учениками носится по мастерским, типографиям, издательствам...

В работе со студентами Борис Диодоров олицетворяет собой тот почти исчезнувший в наши дни тип наставничества, когда наставник не только передает ученикам секреты мастерства, организует для них практики и выставки, но и занимается их духовным, нравственным становлением.

Помню, когда сильно заболела одна девочка-дипломница из Коломны (она делала иллюстрации к Андерсену в технике литографии), Борис Аркадьевич искал для нее хороших врачей, а потом, после успешной операции, сказал мне: «Я готов ей в Коломну возить камни – лишь бы она поправлялась!». Он имел в виду тяжелые литографские камни, на которые наносится рисунок.

Долгие, иногда за полночь, беседы у Бориса Аркадьевича дома или на его даче в Тверской области, с чтением стихов, с обсуждением самых заветных вопросов бытия, поездки в Михайловское и Тригорское – они останутся у ребят в памяти на всю жизнь.

«Хорошую книгу невозможно сделать поскорее! – говорит Диодоров на защите дипломов. – Искусство нужно вынашивать, как ребенка, – и иногда не девять месяцев, а намного дольше».

Комментируя работы своей ученицы Евгении Лоцмановой, Борис Аркадьевич продолжает мысль: «Книга становится произведением искусства, когда она проживается и переживается художником. Когда прекрасная форма для текста создается в диалоге не только с автором и с самим собой, но и с сегодняшним временем, с людьми, которые обязательно должны почувствовать, взглянув на книгу, что она сделана для них. Женя создала на бумаге такой мир, где маленькому читателю будет светло. Эти иллюстрации – плод четырехлетнего труда! Последние недели Женя работала по двадцать четыре часа в сутки, и я боялся, что к защите она упадет. Но вот этот хрупкий человек стоит перед нами...».

В завершение рассказа о Борисе Диодорове – отрывок из его напутственного слова к выпускникам: «Искусство, если оно духовно, – это категория вневременного. Художник должен быть не только профессионалом самой высокой пробы, но еще и личностью. А для этого надо много читать, браться за самые дерзновенные мечты. Я знаю, как это трудно, но я все силы отдам, чтобы помочь вам в осуществлении высоких замыслов, в иллюстрировании классики... Мы, ваши старые учителя, пока еще вот живы, но не можем заглядывать далеко. Поэтому – спешите, чтобы мы могли успеть вам помочь... Дай Бог вам справиться с обстоятельствами нашей быстро меняющейся жизни, которая заставляет вас сразу думать о материальном... А вы знаете... я всей своей жизнью подтверждаю: деньги не нужны! Во всяком случае, их отсутствием нельзя себя оправдывать. Нельзя говорить себе: вот сейчас я подзаработаю, а заветные мечты отложу до лучших времен. Так ничего не выйдет. А мечта, если вы не предадите ее, воздаст вам потом по заслугам. Бог вам в помощь...».

Дмитрий Шеваров

1. «Дюймовочка»
2. «Винни Пух и всё, всё, всё»
3. «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями»
4. «Чубо из села Туртурика»
5. «Снежная королева»
6. А вот сам Боря Диодоров в возрасте читателей этих книг

Храм Николая Чудотворца на острове Залит

Храм в Порхове

Храм Николы на Усохе

Святогорский монастырь

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1934, 21 ноября. Родился в Москве.

1945. Начало художественного образования в Московской художественной школе на Чудовке.

1952. Поступает в Московскую среднюю художественную школу при МГХИ им. В.И. Сурикова.

1954. Студент Московского государственного художественного института им. Сурикова.

1958. Начало работы в издательствах.

1969. Вступление в Союз художников СССР.

1977. Участие во всесоюзном конкурсе за оформление книги Ференца Мора «Волшебная шубейка». Диплом 1-й степени.

1979. Выход и большой успех книги Сельмы Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» с иллюстрациями Диодорова (цветные офорты с акватинтой и акварелью).

1981. Участие в международном конкурсе искусства книги в Братиславе. Приз «Золотое яблоко» за иллюстрации к книге «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями».

1986. Диплом 1-й степени на всероссийском конкурсе «Искусство книги» за иллюстрации к книге А. Милна «Винни-Пух и все-все-все». Назначен главным художником издательства «Детская литература».

1990. Персональные выставки в Варшаве и Гданьске.

1993. Персональная выставка в МИД СССР.

1994. Персональная выставка в доме-музее Г.Х. Андерсена в г. Оденсе (Дания).

1999. Участие в международном конкурсе искусства книги в Братиславе. Золотая медаль за иллюстрации к книге Г.Х. Андерсена «Русалочка». Звание народного художника России. Серебряная медаль Российской академии художеств.

2000. Финалист премии «Золотая медаль Г.Х. Андерсена». Поездка в Данию.

2003. Начало преподавательской работы – заведующим кафедрой иллюстрации и эстампа в Московском государственном университете печати.

2005. Датским обществом «Н.С. Andersen» избран «Посланныком Г.Х. Андерсена».

2006. Персональные выставки в Москве и Ржеве.

2009. Персональная выставка «Добро побеждает в вечности» в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

2011. Выставка «Борис Диодоров и его ученики» в выставочных залах Вологодского кремля.

2013. Создает и возглавляет Центр полиграфических искусств «Печатный двор Ивана Федорова».

Борис Диодоров

Человек – это гармония разума и сердца

Мысли о жизни и о доверии к смерти

Я благодарен Господу за то, что у меня в характере всегда было стремление к идеалу, к лучшему. Я во всем ищу предел своих возможностей. Я и студентам своим говорю: ну нельзя все время жить сомнениями. Нельзя без конца гадать: братья за дело или нет, получится или не получится...

Первое сильное впечатление от книги у меня связано с дедом. Однажды, а мне было года четыре, дед спросил: «У тебя руки чистые?» –

«Чистые» – «Тогда пойдем со мной». Он усадил меня за стол и положил передо мной большую книгу – сытинское издание «Войны и мира» с иллюстрациями А.П. Апсита. Я был поражен тем, что открылось мне за обложкой. Там, под тончайшей папиросной бумагой, был мир, который показался мне куда красивее, чем то, что меня окружало.

Дедушка Леонид Диодорович был человек сильный и строгий. Ослушаться его было невозможно. Он говорил редко, но веско. Во время налетов на Москву у нас в доме только дедушка не ходил ни в метро, ни в щель, которую вырыли во дворе. Он презирал всякую суету...

До революции дед был директором по энергетике на Прохоровском заводе – том, что называется Трехгорной мануфактурой. После 1917 года работал там же бухгалтером. Помню старую табличку на дверях: «Л.Д. Смирнов». Табличка оставалась, а фамилию он сменил на Диодоров. Говорят, что у Смирновых были ювелирные магазины. Мой дед не имел к ним отношения, но в те годы никто не стал бы вникать в детали. Могли в любой момент прийти и спросить: а куда бриллианты-то делись? Порезали бы всю семью.

С другой стороны: с фамилией Смирнов затеряться было бы легче, чем с фамилией Диодоров. Получается, что дед вовсе не собирался прятаться. Да и какую фамилию он себе выбрал в пору гонений на церковь: по имени раннехристианского мученика. Кстати, в России известен еще преподобный Диодор Юрьегорский – схимник, прозорливец, основатель Свято-Троицкого монастыря на Юрьевой горе, это в Карелии.

Дома у нас всегда было много икон, а в деревне у бабушки Анны Васильевны Беловой вообще – целый иконостас. Она меня и водила в храм. Службы я тогда не понимал. Объяснять же что-либо она, видимо, не решалась или просто не умела.

Родился я в ноябре, в день собора архистратига Михаила, и до войны на этот день мы несколько раз всей семьей ездили в деревню. В соседней с Григорчиково деревне Лукино был храм архангела Михаила, и там Михайлов день – престольный праздник. Помню, на станции «Горки Ленинские» нас встречали тети Аришины сыновья на лошадях, а потом везли нас в розвальнях до Лукино. А там – катанья, гулянья...

Были, как известно, деревни, где молодежь рубила и сжигала иконы, но среди сыновей тети Ариши таких безбожников, к счастью, не оказалось. А сыновей у нее было десять. В войну старших семерых призвали, и все семеро вернулись! Как я сейчас понимаю, по ее молитвам...

Тети Ариша и бабушка не успели крестить меня в деревне. И крестили меня только осенью 1941-го в Москве. Это произошло в доме Ирины Анатольевны Тугенгольд на Смоленском бульваре. Ирина Анатольевна была маминной одноклассницей и самой близкой подругой. Она и стала нашей с сестренкой крестной. Помню в сумерках старую деревянную усадьбу с палисадником. Потом пришел священник, перед нами он явился уже в облачении. Принесли корыто, выдвинули стол на середину комнаты и пошли вокруг него со свечами и тихим пением...

В молодости у меня, был, конечно, период... нет, не сомнений, а раздумий.

Я все думал: почему же в акте веры отключается сознательное? Мне казалось, что любое глубокое существование человека – в гармонии разума и сердца. Если что-то одно заглушить, будет какая-то неполноценность. Понять невозможно, не почувствовав. И почувствовать – это значит понять.

К счастью, мне было кому задавать вопросы. Мне очень много дали беседы с архимандритом Зиномом. А владыка Питирим! С ним мы познакомились однажды...

в Дании. В Москве мы бы, возможно, так не сошлись, все-таки владыка был очень занятый человек, а в Дании мы много и о многом беседовали. Мы потом и в Москве встречались не раз. Владыка был в то время заведующим Издательским отделом Патриархии, мы с ним часто говорили о культуре книгоиздания.

Целая эпоха в моей жизни – многолетняя дружба с наместником Троице-Сергиевой лавры архимандритом Пименом. Тогда ему было чуть больше сорока. Иногда он меня принимал. Благодаря ему я понял, что утренняя молитва должна быть не формальным исполнением правила, а моим прошением к Богу защитить меня в этот день от моего же произвола, от тех моих поступков, которые могут иметь ужасные последствия. Ну вот хотя бы не убить никого, а умереть самому. Принимая Божьи установления не слепо, не потому, что все так делают, и я так буду делать, а в полном осознании – тогда появляется доверие к смерти. Это значит не трусить, не выживать, а принимать все так, как Господь тебе посылает. Испытания встречать грудью.

Утром я стараюсь вставать с молитвой. В течение дня я чаще молюсь не в сомнениях, а от радости. Мне много посылается радости, и как тут не благодарить Бога?

Приступая к новой работе, всегда прошу помощи у Бога. А бывает так: работаешь-работаешь, но тут накатывает повседневность. Художники ведь, как все: они – и мужья, и отцы, и дедушки. Мы все время должны что-то делать для наших близких. И тогда чувствуешь, что разрываешься. Но стоит помолиться, и вскоре как-то все устраивается, возвращается то, о чем просишь, – уединение, сосредоточенность.

Дмитрий Шеваров

Капля росы на кончике пера

Писатель Георгий Семенов владел русским словом, как Левитан или Саврасов – красками. Капля роса светилась на кончике его пера.

Он и по первому образованию был художником – окончил Строгановское училище. Его дед по материнской линии, Петр Егорович Жирнов, до революции был известным мастером-краснодеревщиком и реставратором. Именно он выполнил резной иконостас из мореного дуба в Марфо-Мариинской обители. На пожертвования семьи Жирновых был построен храм Казанской Божьей Матери на Калужской площади. О Жирновых писал Иван Шмелев в своем повествовании «Лето Господне».

Предки отца тоже были исконными москвичами и при этом знатоками природы, страстными любителями рыбной ловли. У прадеда была на Москве-реке своя лодка. Отец брал мальчика на рыбалку, и с тех пор Георгий понимал жизнь леса и реки так же хорошо, как поэзию арбатских переулков.

Деревенскую жизнь Семенов знал не хуже столичной. С десяти до двенадцати лет он жил в селе Ананьино Чернушинского района Пермской области, куда вместе с мамой и бабушкой попал в эвакуацию. «Спали на печи, на полатях, – вспоминал Георгий, – ели свою, выращенную на огороде, картошку, морковь, лук, т.е. все это вошло мне в кровь – работа на земле и свет пламени за дырявой заслонкой печи...».

Первые же рассказы Семенова, опубликованные в начале 1960-х годов, поразили читателя редким сочетанием изысканности стиля и глубокого знания жизни и природы. Виктор Астафьев, прочитав в 1965 году рассказ «Кушаверо», писал Георгию: «Мне захотелось сказать тебе радостное, светлое спасибо за добрую радость при чтении... Радуюсь за тебя и людей российских... По-русски густо и раздумчиво, по-толстовски мудро и зримо написано...».

Юрий Карякин, человек совсем другого, чем у Астафьева, опыта и других литературных пристрастий, прочитав тот же рассказ, писал Семенову: «Давно я не читал ничего подобного, вызывающего и прямо-таки физическое на-

слаждение и тоску... Чистое золото без примесей. Очень, очень рад...».

Семенов, в отличие от большинства своих ровесников, сторонился политики в любом ее обличье. Он считал литературу прежде всего искусством воссоздания утраченного человеком рая. Обличать, разоблачать – это была не его стихия. В 1989 году он записал в дневнике: «В дни всеобщей смуты и грызни, проклятий прошлому и полного неверия... надо идти своей дорогой, пусть люди говорят, что хотят. Надо писать рассказы о любви и нелюбви, о красоте Божьего мира, в котором страдает человек, не находя себе места... Надо писать то, что Бог тебе на душу положил, делать то, что умеешь, и не гнаться за политическими, скандальными историями. Как можно дальше от скандалов! И как можно ближе к истерзанной душе человека. И ни в коем случае не поддаваться отчаянию!..».

Он много думал об этом состоянии, которое столь свойственно нашему времени: отчаяние, уныние... В том же дневнике (и в том же 1989 году) Семенов пишет: «Противовесом отчаянию может быть смирение. Смирение подразумевает тихость и торжественность души, почувствовавшей крылья ангелов, движение воздуха от этих крыльев...».

Вернуть читателю, его душе, ангельские крылья хоть на несколько мгновений – вот к чему всю жизнь стремился Георгий Семенов.

Однажды в письме Валентину Распутину он признался: «Я вообще должен тебе сказать, что писать по горячему, так сказать, следу не могу, не умею... Я должен забыть, чтобы вспомнить. Не просто забыть, а именно, чтобы вспомнить... Мне кажется, я тогда рисую свою какую-то действительность, свою реальность и это мне очень интересно делать. Для чего я это делаю – не знаю. Во всяком случае, не для того, чтобы кого-то воспитать, перевоспитать или направить на путь истинный. Мне иной раз кажется, что художник рождается на свет для гармоничной жизни, и всякая дисгармония раздражает его как никого другого... И он создает для себя личную самую гармонию, для которой, собственно, и родился...».

И еще одна очень важная (и для наших дней!) мысль была в том письме:

Внуково. У дома

«Как-то Володя Гусев в какой-то общей статье сказал, что я пишу о мягком человеке, проповедую мягкость человека или что-то в этом роде. Я об этом раньше не думал, но решил, что он прав... Сколько у нас написано суровых, мужественных характеров, сколько ненависти человека к человеку вылило на страницы книг, что пора бы и об этом подумать – о мягкости, которая в наш век дороже жестокости и грубого непонимания. Для меня мягкий человек тот, кто может понять недостатки и пороки другого. А если он понял это, то он и свои пороки тоже поймет. Главное – понять свои собственные пороки, а не увидеть их в другом, побороть в себе гордыню и избавиться как-нибудь от грехов...».

По сути, Георгий Семенов говорит здесь о христианском человеке, написать которого мечтал еще Гоголь. И нет ничего случайного в том, что к этой сложнейшей задаче русской литературы в советское время вернулся именно Семенов – по своим корням, по своей судьбе и своему характеру он готов был исполнить ее.

Георгий Витальевич Семенов умер в 1992 году, на коварной развилке двух дорог, двух эпох. Отпевали его 6 мая, в день святого великомученика Георгия Победоносца, в храме Святой Троицы, что стоит над Москвой-рекою.

Страна распадалась, рушилась, и вокруг было столько горести, что весть о раннем уходе такого большого, такого драгоценного для России писателя потонула в море людских бед и слез. Сегодня в этом обстоятельстве видится что-то очень важное для понимания судьбы Георгия Семенова. Его уход, замеченный тогда лишь немногими, был отзвуком того, что происходило в те дни и месяцы с героями рассказов Семенова, с его читателями. Во всем этом была какая-то глубокая, невыразимая бытийная солидарность.

«Правда – это то, что приближает к истине, а истина – это любовь... Общество... думает, что истина – нечто недоступное пониманию, а людей, которые призывают к любви, гонит... Человечество, проливая кровь за истину, не знает, что для любви не нужны войны, а нужна простая жизнь с доверием и нежностью друг к другу...».

Недавно вышедшая в Москве книга Георгия Семенова «Прохладные тени»¹ – венец размышлений писателя о человеке и мироздании. Сюда вошли и рассказы, которые ранее не печатались (или печатались лишь однажды в журналах, но не входили в книги), и дневниковые записи с 1953 по 1991 год, и очерки о друзьях: Юрии Казакове и Юрии Трифонове, Евгении Носове и Фазиле Искандере, Юрии Домбровском и Юрии Ковале.

Такую книгу читать надо долго, просторными летними вечерами, когда можно поднять глаза от страницы и увидеть гаснущий закат, тихую реку и задумчивое небо...

Необходимо сказать еще несколько слов. С огромной любовью к художнику, с бережной нежностью к его творениям собрана книга «Прохладные тени». Тут все выстроено как симфония – от аннотации и предисловия до приложения с примечаниями, с историей каждого прижизненного издания. Собрала, выстрадала эту книгу Елена Владимировна Семенова, спутница всей жизни Георгия Витальевича начиная со школьных лет.

«Она для меня все та же девочка, перед которой я немел когда-то...».

¹ Георгий Семенов. Прохладные тени. Неопубликованные рассказы, записи разных лет о времени, о друзьях и о себе. М., «Русский мир», 2013.

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1931, 12 января. Родился в Москве. Родители – Васса Георгиевна и Виталий Николаевич Семеновы.

1941. Эвакуация в связи с началом Великой Отечественной войны.

1943. Возвращение в Москву. Помогает фронту – после уроков вместе с одноклассниками сбивает ящики для снарядов. Увлекается рисованием.

1946. Поступает в Художественно-промышленное училище, бывшее Строгановское, на трехгодичные курсы подготовки мастеров по архитектурно-декоративной скульптуре.

1949. Работа в лепной мастерской на стройках Москвы и Сибири.

1952. Женитьба.

1954. Первая публикация: рассказ «Как

стрекоза Ромку учила» в журнале «Мурзилка».

1955. Рождение дочери Натальи. Поступление в Литературный институт имени А.М. Горького.

1962. Публикация в журнале «Знамя» четырех рассказов под общим названием «На Волге». Вступление в Союз писателей СССР.

1964. Выходит первая книга – «Сорок четыре ночи».

1979. Государственная премия РСФСР имени М. Горького за книгу «Голубой дым».

1988. Фильм «Осень, Чертаново...» по мотивам произведений писателя.

1989. Поездка в США.

1992, 30 апреля. Скончался в Москве.

ЧТО ЧИТАТЬ У ГЕОРГИЯ СЕМЕНОВА

Луна звенит

Вечером, после дождя

К зиме, минуя осень

Уличные фонари

Голубой дым

Ум лисицы

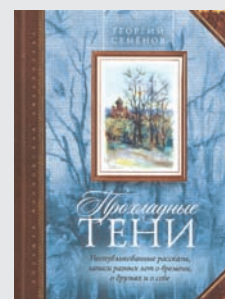
Фригийские васильки

Утренние слезы

Городской пейзаж

Чертово колесо

Путешествие души

Книги писателя были изданы в Германии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Болгарии, Польше, Финляндии, Швеции, Индии, Японии.

Подготовила Елена Семенова

«Художник все время в пути от земли к небу, к солнцу, к Богу...»

Из дневников Георгия Семенова. Записи 1985–1991 годов

Посентябрило, говорят, или, вернее, говорили когда-то. А посентябрило – это вроде бы посеребрило, т. е. бросило ночью иней на траву.

Тишина среди сентября. Светит тихое солнце, и красота вокруг печальная, будто наступил конец света. Заскорузлые листья с царапающим шорохом падают сами собой, ибо пришла пора – ни ветра не нужно, ни дождя. Падают, цепляясь за такие же сухие, заскорузлые листья, еще висящие на ветвях.

Что есть красота, которая должна спасти мир? Понятно – Христос как олицетворение красоты. Но если спуститься с высот? Может быть, красота как стыд перед содеянным злом? Но стыдиться надо не содеянного зла, а надо стыдиться, чтобы не принести его, не прийти к

этому злу. Стыд как предотвращение зла, как отталкивающая от зла сила.

Всякая истинная красота должна быть стыдливой. Бесстыжая красота – уже не красота.

В Медьни, в бывшей церкви открыт «Пивной бар». Огромная, нелепая вывеска кричит сине-зелеными буквами эти нахальные, в силу своей неуместности, дикие слова.

Картина страшная! Не только потому, что опорочена идея Бога, но и потому, что в этом храме, каким бы он ни был с исторической и архитектурной точки зрения, отпевали когда-то бабушек и прабабушек, дедушек и прадедушек тех, кто сейчас там, где когда-то стояли гробы с покойными предками, пьет из кружек пиво.

Немцы осквернили Софию в Новгороде и многие другие храмы России. Мы возмущались и клеймили их позором. Как же сами-то мы допустили подобное? Уму непостижимо! Как же мы хотим воспитать порядочного человека, если творим такое зло?

А ведь Медынь, как гласит при въезде в город плакат, существует с 1380 года.

Что такое традиционная русская литература? Это литература – романы, повести, рассказы, – способная очаровать человека. Без очарования нет русского писателя, а в самом понятии «очарование» заключен, по-моему, весь комплекс воздействия на человека, то есть, очаровывая, писатель выводит своего читателя на любые этажи человеческой этики, его нравственной и социальной позиции и т. д. и т. п.

...А что мне делать, если люди ко мне сами со своими исповедями идут, рассказывают все, что только можно и что стыдно, может быть, бывает рассказать близкому или даже родному человеку. Выступаю порой чуть ли не как исповедник, душеприказчик и никуда не могу убежать от этой своей странной роли.

Душевный покой – это состояние человека, которое позволяет ему сделать что-то очень хорошее. Беспокойство – разрушительная сила. Но достичь душевного покоя никак не удастся.

Кстати, душевный покой не имеет ничего общего с равнодушием и тем более с успокоенностью. Это гармония души и разума – главное условие творческой энергии.

Художник не имеет права думать о результате своего труда. Ремесленник – да, художник – нет. Он все время в пути от земли к небу, к солнцу, к Богу...

Чудо было, когда ветка герани, привезенная из Псковской области, с острова рыбацкого, из клуба, – ветка эта, обрезанная за ненадобностью и забытая на подоконнике, вдруг зазеленела и ожила сама по себе, без земли, без воды... а потом и зацвела! И родился наш Илья! Все мы очень удивились и поразились. Чудо!

Во Внукове, точнее в Изварине, церковь из красного кирпича – склад, конечно. А прикрыли службу перед войной. Во время войны, когда тут, в Изварине, наша часть стояла, солдаты наши разорили церковь, штыками глаза у икон кололи.

Услышал это и очень затосковал. Вот он, народ. Идя на смерть за Родину, готов

древней Родине глаза штыками колоть, изувечить ее, изуродовать, а потом погибнуть за нее же.

Непостижимо! Понять это невозможно.

Неужели это в душе русского человека? В черни, которой населена Россия? Или это наносное?

Наносное! Наносное! Иначе жить невозможно...

Маленький ежик залез в мокрую после дождя траву, тут же вылез оттуда и вдруг отряхнулся, как отряхиваются мокрые собаки, всем телом, от хвоста до холки, и пошел, поспешая по своим ночным делам, не обращая внимания на лучик электрического фонарика. Иголки его при отряхивании издали шуршащий звук, как издает мокрая шерсть собаки. Смешно и почему-то не верится, что ежики так же, как все на свете, боятся, не любят, когда вода заливается «за шиворот». И стал он мне очень, очень понятен – маленький, но уже обреченный на самостоятельную жизнь, тихий, колючий житель Земли.

За всю жизнь, а особенно за последние годы, я написал столько миллиардов букв, столько миллионов слов, тысяч фраз, так тщательно соединил их между собой, что оглядываюсь на этот свой труд и не могу себе представить, как это я все сумел сделать один на один с чистым листом бумаги. У меня даже создается впечатление, будто это сделал за меня кто-то другой, кто гораздо умнее, мудрее и талантливее, нежели ощущаю сам себя в реальной жизни. Сорваться к шестидесяти годам и почувствовать себя в отчаянии оттого, что жизнь прошла за этим странным занятием, – дело, наверное, естественное. Надо как следует отдохнуть, отключиться, забыть о буквах, словах, фразах, которые зачем-то должны, обязаны пройти на бумаге свой загадочный путь и худо-бедно ли завершиться неким печальным или радостным, грустным или смешным финалом... Спасибо этому Кому-то, у Кого была охота водить моим перышком по белой бумаге. Низкий поклон и восторг.

Что же я сказать-то людям хочу? Неужели еще ничего не сказал? Или это гордыня мучает меня, хватает за душу, рвет жилы, ломает кости? Мне бы отрешиться от всей этой напасти. Прости и помилуй меня, Отец Небесный! Хотя и много грешил на прекрасной Твоей земле, но каюсь и падаю ниц, старый, недостойный Твоего внимания и благорасположения.

Каюсь за того дикого гуся, который, раненный мной, отстал от стаи и упал вдали в болотистых лесных уремах, каюсь за глухаря, который пел на заре свою песню и который, будучи раненым, убежал, чтобы погибнуть в зубах волков или медведей, которых было там, в Вятской области, множество... Много согрешил во мне охотник! Никаких покаяний не хватит. Прости! Говорю как есть, не богохульствую, не лгу. Ты сам позвал меня познать красоту Твоего мира и рассказать о нем Твоим созданиям, людям. Этим и занимался, исполняя Твою волю.

А вот, между прочим, Коля Рубцов, написав «в глухих лугах», как, перекинув это из «глухих лесов», «глухого леса», сделал важное открытие, очень точно определив луга глухими, – там звук гложет, меркнет, не звучит. Даже выстрелы на открытии утиной охоты раздаются бумажными хлопками, тугукают без эха, так сказать, в отличие от леса, который не бывает глухим (в этом смысле), а всегда бывает звонким, откликаясь на крик гулом, эхом, а то и птичьим гомоном.

В чем тайна рубцовского стихотворения? А в том только, что Коля беседовал с душой. Вот он и остался. А другие – не знают даже пути к душе, а не только не умеют... Хотя нет! Многие как раз все умеют и останавливают внимание читателя или слушателя на изощренной метафоре, неожиданном эпитете, но дальше этого не идут – удивляют и даже восторгают своим умением, мастерством, а беседы с душой нет и в помине...

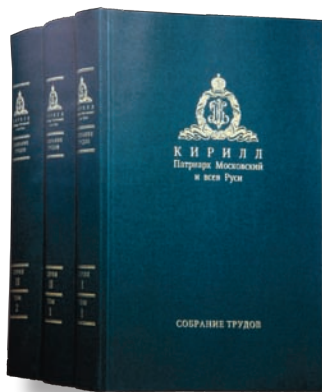

Церковь Ильи Пророка в Изварине. Пастель. Рисунок Г. Семенова

Церковная летопись продолжается

Вышла третья книга Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. «Слово пастыря» (серия П. том 2). Издание содержит Слова и речи Первосвященителя по актуальным вопросам церковной и общественной жизни. Оно состоит из тематических серий, посвященных направлениям деятельности Первосвященителя. Сюда вошли тексты за период с 1991 по 2011 год.

Представляя книгу, главный редактор Издательства МП протоиерей Владимир Силовьев подчеркнул значение Патриарха Кирилла как проповедника, миссионера и писателя. «Для нас очень важно, – сказал он, – сегодня представить новый том трудов Святейшего Патриарха, который является настоящими

путеводителем нашего общества. Через это собрание трудов мы все больше и больше узнаем и о Русской Православной Церкви, определяем себя в отношении к Церкви. Если мы граждане нашего Отечества, то должны понимать, насколько важны усилия Святейшего Патриарха по сплочению народа».

Книги Патриарха Кирилла адресованы не только православным верующим. Они интересны самому широкому кругу наших сограждан, содействуя их духовному просвещению, особенно тем, для кого важно знать мнение Церкви по злободневным проблемам современности. Полезны они и тем, кто обращается к слову Святейшего Патриарха Кирилла в своей политической и общественной деятельности.

Книг о Пушкине выходит много, но при этом часто без внимания остаются именно те, которые отличаются строгой научностью и глубиной содержания. Сегодня «Лампада» представляет вам два таких замечательных издания.

Альбом «Московское детство А.С. Пушкина»¹ – это своеобразный «передвижной» музей детства Пушкина. Книгу очень интересно смотреть всей семьей. Здесь можно увидеть печатку рода Ганнибалов, изготовленную в восемнадцатом веке из халцедона. Воспроизведена запись из метрической книги церкви Богоявления в Елохове о рождении и крещении Пушкина. И тут же – распашонка, хранившаяся в семье. Возможно, именно в ней «щеголял» младенец Александр. А вот на редких картинах художников «допожарная» Москва, где рос маленький Пушкин. Она так похожа на тот чудный град, который Александр Сергеевич опишет в «Сказке о царе Салтане»: «Город со дворцом, // С златоглавыми церквами, // С теремами и садами...».

Единственное, что огорчает в альбоме, – ничтожный тираж: полторы тысячи экземпляров.

А в Петербурге вышла книга научного сотрудника мемориального

Музея-Лицея в Царском Селе Светланы Васильевны Павловой «Мы празднуем Лицея день заветный...»². Книга посвящена истории лицейского праздника 19 октября; здесь собраны лучшие стихотворные посвящения этому дню, написанные лицеистами от первого до 74-го выпуска. Интереснейшее издание, необходимое каждому словеснику, и опять огорчение: тираж книги... 200 экземпляров.

Для России такие тиражи – это даже не капля в море. Это слезинка.

В издательстве Свято-Троицкой Сергиевой Лавры вышла новая книга священника Ярослава Шипова, самое полное на сегодняшний день собрание его рассказов. Это событие не только для православной литературы, но и для современной русской словесности вообще.

Мастерство, художественное совершенство коротких рассказов отца Ярослава имеют своим истоком А.П. Чехова и И.А. Бунина, Ю.П. Казакова и В.М. Шукшина. При этом внутренняя сдержанность автора, неизменная самоирония, решительный отказ от всякого пафоса и нравоучения вызывают огромное доверие к рассказам Шипова у современного, в том числе и самого юного, читателя.

Дмитрий Шеваров

¹ Московское детство А.С. Пушкина. Государственный музей А.С. Пушкина. Составители Е.А. Пономарева, Г.Г. Светлова. ООО «Издательство «Планета», М., 2013.

² С.В. Павлова. «Мы празднуем Лицея день заветный...». «Библиополис», СПб, 2014.

Юрий Кублановский: Смысл существования России – в ценностях Православия

Судьба поэта всегда удивительна и почти всегда драматична. Юрий Кублановский – еще одно тому подтверждение. Четырнадцатилетним подростком он приехал из провинциального Рыбинска в Москву только для того, чтобы поддержать Андрея Вознесенского во время хрущевских гонений. После окончания искусствоведческого отделения МГУ подался на Соловки, работал в Кирилло-Белозерском и Ферапонтовом монастырях. Был духовным сыном о. Александра Меня. Познал опыт эмиграции, где сдружился с Иосифом Бродским и Александром Солженицыным. Вот уже много лет, как он вернулся на родину. Пишет, издается и по-прежнему один из самых любимых и ярких поэтов.

– Юрий Михайлович, что вы думаете о таком парадоксе: мы с вами родились в атеистической стране, в то время как Запад был христианским. Теперь наши цивилизации словно поменялись местами: Россия переживает «второе крещение», люди воцерковляются, а на Западе – торжествуют пугающие «постхристианские ценности». Как вы объясните это?

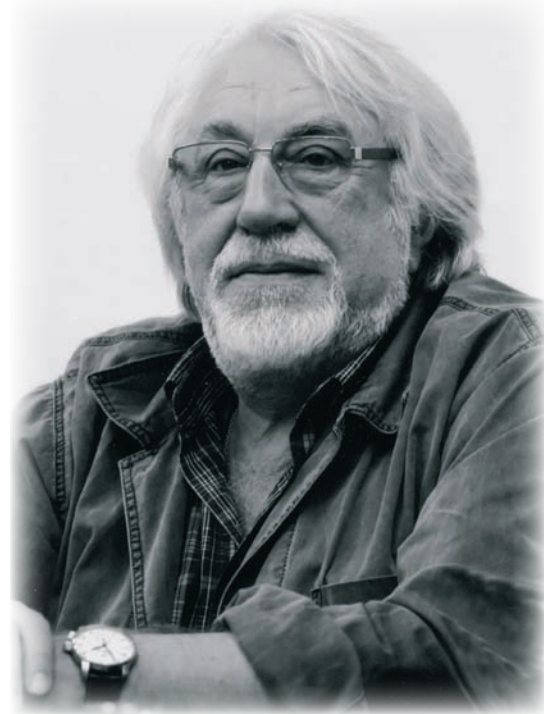
– Процесс дехристианизации западного мира начался не вчера. Я мысленно веду его – это условная дата, конечно, – начиная с 1968 года, с победы на Западе сексуальной революции. Это победа была сравнительно тихой. Казалось бы, ничего особенного не произошло: просто в течение нескольких лет сменились лидеры многих государств. Но, тем не менее, исподволь пошли в ускоренном темпе процессы дехристианизации. Революция 1968 года происходила под знаменем полного раскрепощения человека: его инстинктов, его желаний и потребностей. Сегодня эти «дети 1968 года» рулят и формируют идеологию в большинстве европейских стран. Возьмите, к примеру, Европарламент. Это – огромный паразит, состоящий из бюрократов, большинство которых родом из того же 1968 года.

Те идеалы, которые тогда были провозглашены, – теперь уже на государственном уровне – воплощаются в жизнь, в том числе, к примеру, однополые браки, до абсурда доведенный феминизм, отказ от строгой педагогики и т.п.

Еще одна причина этих процессов в том, что ныне технотронная цивилизация оказалась в противоречии с традиционными ценностями. И она берет свое, перемалывая интеллекты и души. Можно смело сказать, что Запад живет уже в постхристианское время. Там Церковь превратилась в «общество друзей Иисуса Христа», утратила свою онтологическую природу. И этот процесс захватывает и европейцев, и Новый Свет.

– А вот Россия, несмотря на то, что на нее давят со всех сторон, все же идет своим путем. Как вы думаете, почему и как ей это удается?

– Мы психологически живем пока еще в православной традиции. Наша история движется в другом темпе, чем западная. Если взять Средневековье, то оно у нас растянулось до XVIII века. Здесь не было секуляризации, свойственной Высокому Возрождению. И сейчас мы видим, что даже 70 лет советской власти оказались таким консервантом, помогшим уберечь традиционную психологию. А общество, хотя и было официально атеистическое, вместе с тем сберегало, порой даже этого не понимая, многие традиционные христианские ценности: и бескорыстие, и хорошее образование, и определенную солидарность. Советскому человеку был свойствен интерес к культуре больший, чем ин-

Юрий Кублановский родился 30 апреля 1947 года – русский поэт, публицист, эссеист, критик, искусствовед. Автор книг: «С последним солнцем», «Возвращение», «Чужбинное», «Дольше календаря», «Переключка» и других. Лауреат премии Александра Солженицына, Новой Пушкинской премии и Премии Правительства России в области культуры и искусства.

терес к наживе. Все это, безусловно, связано с христианской традицией. Когда же коммунистический намордник с общества свалился, многое вернулось в нашу жизнь из того, что было оборвано революцией 1917 года. Так произошло определенное возрождение православной жизни. Но не следует обольщаться – антихристианские силы в нашем обществе сильны и всеместны. Все-таки христиане – это малое стадо, нам торжествовать рано. И в Церкви есть свои неустройства. Но по сравнению с Западом мы сохраняем многие традиционные представления. Например, мы видели искреннее возмущение большинства народа похабной акцией Pussy Riot. Общество

активно выступает против однополых браков и кощунства. В России сильны еще традиционные ценности благодаря православной культуре. Я убежден, что русская душа – христианка.

– **Ваш дедушка был священником, и его репрессировали. А ваши родители – были коммунистами. Как вы сами пришли к вере? Был ли у вас период атеизма – как у каждого советского человека?**

– Мое отрочество пришлось на хрущевскую оттепель. Но близкие о дедушке-священнике говорить боялись. И только повзрослев, я стал интересоваться историей своей семьи. Я был крещен в детстве, но церковности, разумеется, не было, откуда ей было взяться? Я родом из провинциального Рыбинска, где общество было под тотальным контролем. Я был молод и горяч и считал, что Церковь чересчур лояльна к коммунистическому режиму. Я не умел ей простить замалчивание ее мучеников и страстотерпцев XX века. Журнал Московской Патриархии, например, вел тошнотворно-сервильную политику в отношении власти. Это мешало моему воцерковлению. Но вот в начале 70-х годов я познакомился с отцом Александром Менем, ему полностью доверился, крестил дочь у него в Новой Деревне. Сейчас она мать восьмерых детей. И вся ее большая семья – церковные люди.

– **У вашей дочери – удивительная судьба, я знаю, что она по профессии сестра милосердия...**

– Да, так случилось, что когда я в 1982 году эмигрировал на Запад, а потом началась перестройка, она приехала ко мне в Париж, начинала учиться в Сорбонне. Но когда в 1990 году я вернулся на родину, она вернулась вслед за мной. И пошла здесь при Первой градской больнице на курсы сестер милосердия. Их только-только открыл отец Аркадий Шатов, ныне он – епископ Пантелеимон. А потом дочка вышла замуж за прихожанина этого же храма. И сейчас у них ладная русская семья.

– **Вы как-то сказали, что возлагаете большие надежды на расцвет приходской жизни. Это так?**

– А на что еще надеяться, когда в провинции нет вообще ничего, кроме масс-культуры и шоу-бизнеса. Эти отдельные очажки приходской жизни

– как светлячки среди жижи современного бескультурья и тех псевдоблаг, которые предлагает технотронная цивилизация. Так говорили многие русские мыслители от Карсавина до Федотова: возрождение России начнется с приходов. Труднейшая роль лежит на пастырях – воцерковить современного человека, когда столько соблазнов и все вопиет против воцерковления. И тем выше их повседневный подвиг, который вызывает благоговение.

– **А почему наша творческая интеллигенция так часто выступает и против государства, и против Церкви? Сколько писателей ходило на митинги с белой лентой, писало письма в поддержку Pussy Riot...**

– Это еще что! У нас нашлись писатели, которые на деньги Ходорковского поехали на Евромайдан извиняться, что Крым вернулся в русское лоно. Почему-то у нашей интеллигенции потеряны патриотические ориентиры. И это печальная традиция. Приведу такой малоизвестный исторический факт. В 1906 году в Париже состоялся смотр освободительных русских сил под руководством Павла Милюкова и Петра Струве. И состоялся он на деньги, которые выделила Япония, победившая Россию. И поехали, не побрезговали. Так вот и сейчас на деньги Ходорковского поехали на Евромайдан.

– **Почему все же у нашей интеллигенции принято быть в оппозиции?**

– Над этой загадкой бились многие наши мыслители. Это емко было вскрыто в знаменитом сборнике «Вехи», и потом еще не раз об этом писали. Я всегда старался выработать свое независимое мировоззрение. И мне ближе всех те, кого Василий Розанов называл «литературными изгнанниками»: тех, кто идет против общественной конъюнктуры.

– **Вы не почвенник и не либерал. Так как же вы можете аттестовать собственное мирочувствование?**

– «Двух станов не боец...». Я не могу по-другому, смолodu впитав эти строки Пушкина: «самостоянье человека – залог величия его». Мне кажется, если я чуть-чуть изменю этому самостоятельно – то никогда уже ничего больше не напишу...

– **Особая страница в вашей биографии связана с Ферапонтовым**

монастырем. Что значат для вас эти места и иконописец Дионисий?

– В 1975 году я выступил в самиздате с открытым письмом в поддержку Александра Исаевича Солженицына – на двухлетие его высылки. После этого потерял возможность работать по профессии искусствоведа. Но летом того года я списался с Кирилло-Белозерским заповедником – там в разгар туристического сезона не хватало экскурсоводов. Два года работал я в Кирилове и рядом, в Ферапонтове. И проникся этими местами. Эти края очень много дали моей поэзии. Я тогда там обрел второе дыхание. Дионисий – великий художник. Если сравнить его фресковый ансамбль в Рождественской Ферапонтовской церкви с фресковыми ансамблями Высокого Возрождения – то насколько ж наши духовнее! Дионисий для меня – следующее после «Троицы» Рублева воплощение всего самого прекрасного, это – настоящее откровение. И когда мне говорят, что Русь от чего-то отставала, что это была варварская страна, я знаю, что это неправда. В варварской стране такое не рождается...

– **Жизнь подарила вам множество удивительных встреч. Одна из них – с Андреем Вознесенским, которого можно назвать вашим крестным отцом в поэзии. Вы с ним необычно познакомились... Расскажите подробнее.**

– В ранней юности я был очень горячим человеком. И когда услышал, что Хрущев чуть ли не матом кроет с трибуны поэтов оттепели, которых потом назовут «шестидесятниками», я просто сбежал из дома, чтобы поддержать Вознесенского. Я в ту пору еще ходил в валенках с галошами, в лыжном костюме и в ушанке – провинциальный рыбинский пацан. Мать считала меня еще ребенком. Я оставил ей записку, что уехал в Москву. Поезд прибыл на Савеловский вокзал, я пошел в Мосгорсправку, узнал нужный адрес. Мне выдали, как сейчас помню: улица Нижняя Красносельская, дом 45, квартира 45. Разузнал, как туда добраться, приехал, позвонил в дверь, и мне открыл Андрей Андреевич. В синем свитере грубой вязки а ля Хемингуэй, так одевались в ту пору те, кто хотел отличаться от «серого совка». И с тех пор завязались наши отношения. Правда,

потом они несколько расклеились: у нас разные судьбы, меня раздражали его поэма «Лонжюмо» и культ Ленина, который в ней заметен. Но сегодня я вспоминаю его с благодарностью и даже в этом году по просьбе его вдовы, Зои Богуславской, возглавил жюри премии «Парабола» – эта премия посвящена его памяти.

– Не могу не спросить вас об Иосифе Бродском. У него есть замечательные религиозные стихи: «Сре-тенье» и рождественский цикл. Он великий поэт, но немножко чужой по духу. Кажется, он обошелся без России, стал воплощенным западником и космополитом по мироощущению. Как вы к нему относитесь?

– Бродский остается моим «вечным спутником», я нередко возвращаюсь к его поэзии. Что же до его мироощущения, историю России он действительно плохо знал и не понимал. Такое впечатление, что он представлял ее себе в картинках школьного советского учебника: «Тютчев лизал сапоги своему Государю» и прочее. Но все-таки это – замечательное явление, хоть и маргинальное, и слава Богу, что оно состоялось. Бродский породил очень много эпигонов. Но вряд ли русская поэзия пойдет за ним, как пошла за Пушкиным, мне кажется, это нереально, да и не надо.

– А как рождаются ваши стихи?

– Тут два момента. Если брать конкретно, эмпирически, то – от пронзившего вдруг визуального впечатления. От куста сирени, от черемухи, пейзажа лирического. Почему так? Я с десяти лет занимался рисованием. И думал, что стану художником. Это во мне осталось. У меня нет серьезного музыкального понимания, но живопись я знаю хорошо, да и сам по профессии искусствовед. В целом же природа вдохновения до конца не ясна и не объяснима. Сколько лет пишу, столько лет об этом думаю. И я это воспринимаю как дар свыше. Как говорил Евгений Боратынский: «Поэзия – есть задание, которое следует выполнить как можно лучше». В этом смысле у меня традиционная психология русского поэта. Для меня это не просто профессия, для меня это служение. Откуда приходят слова, накат образов – я потом и сам поражаюсь. Но они идут –

чудом! – одно за другим, и громоздятся, и вовремя находятя...

– Вы дружили с Александром Солженицыным. О его роли в русской истории сейчас спорят. Получилось, что он внес существенную лепту в развал Советского Союза. Как сказал один философ про диссидентов: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». Как вы относитесь к этому?

– Советский Союз был обречен. И никто тут никакой лепты не вносил. Советская власть впадала в маразм. Я это остро чувствовал еще с конца 70-х годов. Солженицын ускорил это падение. И я не скажу, что это минус. Он с самого начала предупреждал о тех бедах, которые могут грозить России в случае демонтажа коммунистического режима. В 90-е годы вместо чаемого возрождения произошла криминальная революция. Ее, кстати, поддержала наша интеллигенция, которая дала этим переменам идеологическое обеспечение. Но здесь нет вины Солженицына. Например, если сейчас поднять все, что он говорил об Украине, – это просто предвидение. В конце своей жизни Александр Исаевич стал настоящим мудрецом. Он все расставил на свои места, узнал и понял цену Западу. Увидел, что после падения коммунистического режима Запад обложил Россию со всех сторон и внедрил в нее свою агентуру.

– Сейчас одни ностальгируют по советской эпохе, другие мажут ее черной краской. А что чувствуете вы?

– «Ползучий советизм» и тоска по советской власти – не мое. Это в значительной степени что-то стилизованное и надуманное. Разве какой-нибудь Дима Быков что-то понимает про 60-е годы? А было так, что вечером выпьешь с тремя товарищами, а утром просыпаешься в поту и думаешь: кто из нас был стукачом, и зачем я это говорил, и что теперь будет? Это была жизнь в подспудном страхе. Я старался не давать этому страху ходу, но он исподволь влиял и на меня, и на всю нашу подсоветскую жизнь. Не надо ничего вычеркивать, не надо ничего воспевать – надо смотреть на вещи трезво.

– Должен ли у России быть свой исторический проект, своя миссия?

– Слава Богу, если у народа есть какая-то сверхидея помимо добывания денег и набивания желудка. При этом надо понимать, что Россия втянута в мировые процессы. И ее будущее зависит от того, что будет происходить в мире в целом. А там будут происходить весьма тяжелые вещи. Будет перелицовка человечества, его перетасовка и линька. Есть ощущение, что в тридцатые и сороковые годы этого века наши дети и внуки столкнутся с не меньшими ужасами, чем те, что пережили наши отцы и деды. Мое поколение – самое халавное. Я родился в 1947 году. Мы не испытали никаких чрезмерных физических нагрузок, связанных с военным временем, никаких глобальных рисков для себя. Не испытали ни лагеря, ни фронта. «Грех роптать, когда вдвойне повезло. Ни застенка, ни войны» – написал я в стихе, посвященном Павлу Флоренскому... Сейчас начинает выходить на мировую арену третий мир – Китай, Индия, Ближний Восток. Мало никому не покажется. Сам я сторонник умеренного поступательного развития России, резкий противник уличных политических акций. При этом и у Церкви – особая миссия. Только в христианском лоне, только в ценностях Православия я и вижу существование России и смысл ее бытия. И смысл бытия нашего народа. Все остальное – это пена и накипь. И мы видим эту пену и накипь – и в современной культуре, и в литературе, атеистической и секуляризированной. Она во многих проявлениях быта, в который мы все погружены. Повторюсь: приходская жизнь – лучшее, что есть сегодня в России.

Беседовала Татьяна Медведева

СКРЕПЫ

Тогда Господь начинает являть Свою силу, когда увидит, что все человеческие средства к пода-нию помощи нуждающемуся в ней человеку истощены.

Преподобный Амвросий Оптинский

Юрий Кублановский

ИЗ «Поздних стансов»

РОЖДЕСТВО

*В той стране были на поле пастухи,
которые содержали ночную стражу
у стада своего.*

(Лк. 2: 8)

В начале был внезапный свет
на небе. Мы – и млад и сед –

пошли за ним в густую тьму.
Я сам не помню почему.

Мела метель. Колочий снег
слезинки иссекал из век.

Как потревоженная мгла
отара темная текла

за нами, бляя тяжело.
У хлева снега намело.

Мать, приподнявшись нам навстречь,
дитя пыталась уберечь

от холода, людской вражды.
От света ведшей нас звезды.

Свет материнского лица
ещё окутывал мальчика,

но свет небесный, голубой,
обоих облекал собой.

Потом, беспомощен и мал,
младенец Сам светиться стал,

Собой преображая мир.

Мы отдали свой хлеб и сыр,

пред Ним склонившись до земли,
и осторожно отошли,

по мёрзлому песку хрустя.

Свет источавшее Дитя

нам улыбнулось – и погас
небесный свет, приведший нас.

Теперь светился Он один.

Для ослабевшей от родин

свет что-то значил – а для нас
был чистым чудом, без прикрас.

Ведь то, чего страшилась мать,
мы не умели понимать.

С тех пор прошло немало лет.

Я сделался угрюм и сед,

неповоротлив стал, как вол.

И вдруг какой-то зов привёл –

внезапен, непреодолим –
на Пасху в Иерусалим.

Предпраздничный плескался дух.
Как рой навозных зимних мух,
чуть ошалевших от тепла,
жужжала жадная толпа.

Но подступила тошнота,
и страшный силуэт креста

мой взор ослабший приковал.

Там Тот, Кто светел был и мал,

был смертной мукою измят –
ослабший, как при родах мать.

А мать не отводила взор
от неба. Мука и укор

застыли на её лице.

И я подумал об отце:

кто был он – плотник или пастух?

Но испустил Страдалец дух,

пробормотав какой-то бред...

И яростный небесный свет

толпу едва не свёл с ума.

А после наступила тьма

* * *

Я жив: дышу, дряхлею, ем.

За что мне Это? И зачем?

«ТРУД,
КОТОРЫЙ СУРОВ И НЕЛЕП...»

Труд, который суров и нелеп:
из забвенья выращивать хлеб.

Если хлеб этот честно пропечь,
то получится русская речь –

та, что освобождает уста,
а не для осквернения рта.

КОРЗИНКА ДЛЯ МОНЕТ
НА МОГИЛЕ БУНИНА

С протянутой шапкой, безумен,

Бредёт от столба до столба

Иван Алексеевич Бунин

По Сент-Женевьев-де-Буа.

Подайте ему, пилигримы,

Он мертв, но и мёртвым на жизнь

Нужны ваши франки-сантимы,

Чтоб выдюжить смертный нажим.

Иван Алексеевич, вы ли?

Какие насмешки судьбы!

В могилах у нас – кладовые,

Но мы побросали гробы.

И ходит Иван Алексеич,
И кланяется за рубли
На русское кладбище, сиречь,
На ренту французской земли.

«ВЕРЬ ВСЕМУ И ДЕЛАЙ ВСЁ,
ЧТО ХОЧЕШЬ...»

Володе Гандельсману

Верь всему и делай всё, что хочешь.
Цепь событий всё рассудит, и
ты поймешь, каких звенящих полчищ
полон глас небесного судьи.

Иов, это стружья? это трупы
детские и овцы полегли?
Верь всему, и Бог поднимет трапы,
приплывут в пустыню корабли.

И по новой – то дары, то смерти,
будет в цепи новое звено.
Бог всё стерпит, Иов – тоже стерпит,
ибо – в цепях, то-то и оно.

Скоро хмель садовый одичает.
Иов, это снова гром в степи
или Бог с проверкой?

Отвечает:

– Всё равно. –

И бродит на цепи.

И ВЕЕТ БАЛТИКОЙ

Крупица Божия боится грубых рук,
Она нежна, хоть голос низок.
И веет Балтикой, когда беру
конверты от её волнующих записок.
Комочек бытия, завернутый в наждак
пространства, названного Русью,
ему противится. А мы не можем так.
Нас тащит к собственному устью.

ЕЩЕ И ОСЕНЬЮ

Весной пахучею, как ладан и ваниль,
зимой, сжимающей запястье,
в страду июльскую, глотая соль и пыль,
или в прозрачное ненастье
– ещё и осенью я буду вспоминать,
жалая клён и облепиху,
Вдыхавшую хмель в латинскую тетрадь,
ту – с низким голосом – подругу
соловьию.

Вадим Рутковский

Ангелы-хранители с Курского вокзала

С ребятами из народного православного движения «Курский вокзал. Бездомные, дети» я познакомился во время поездки в Центр социальной адаптации инвалидов «Филимонки». К месту назначения мы ехали на потрепанном времени и родным бездорожьем микроавтобусе с водителем Анатолием Кружалиным за рулем, чья внешность напомнила мне молодых интеллигентов-разночинцев из романов Тургенева и Достоевского. Кроме меня в салоне находились администратор и социальный работник Анна Федотова, помощник руководителя Движения Светлана Елкина, социальный работник Ольга Александровская и доброволец Александр. И пока мы в пути, позволю себе небольшой экскурс в историю.

В январе 2006 года некий православный человек – Борис Григорьевич Рыжов – познакомился возле Курского вокзала с группой бездомных подростков в возрасте от 12 до 18 лет. Сильные крещенские морозы, стоявшие в тот год в Москве, превращали и без того экстремальное существование бездомных людей в жестокое и суровое испытание. Смерть от обморожения на улицах мегаполиса была вполне реальной перспективой для любого несчастного, не имевшего постоянной крыши над головой. Рыжов обратился через Интернет к людям с просьбой помочь организовать горячее питание для беспризорных. Двадцатого января первая группа добровольцев уже кормила бездомных

Типичный контингент

в районе Курского вокзала. Всю зиму 2006 года энтузиасты готовили дома еду для бездомных. Так возникло православное народное движение «Курский вокзал. Бездомные, дети» (сайт besprizornie.ru).

Может возникнуть вопрос: почему «православное»? Все на удивление просто. Первым человеком, который взялся за эту миссию и от которого потом родилось Движение, был Борис Рыжов, православный христианин. И единомышленников и помощников он, понятно, искал прежде всего на православном интернет-форуме. В марте того же года к Движению присоединился Олег Ольхов¹. В то время он работал в кафе напротив Курского вокзала. Олег организовал приготовление еды на кухне кафе, что, конечно, существенно помогло делу.

В том же году были открыты пункты кормления бездомных у Павелецкого вокзала, на площади Трех вокзалов, около платформы «Серп и молот», в районе ВДНХ. Служба помощи бездомным работала бесперебойно, все семь дней в неделю. В район Тверской улицы, где беспризорные подростки обжили заброшенный дом, добровольные «кормители» приезжали даже по ночам. А с марта 2008 года, об этом как раз писала «Лампада», Движение стало сотрудничать и со Свято-Даниловым монастырем.

В ноябре 2011 года произошло важное для Движения событие. Совместно с храмом святого апостола Иакова Зеведеева в Казенной слободе, расположенным неподалеку от Курского вокзала, был открыт пункт выдачи одежды. На территории храма появился вагончик, ставший и

¹ Беседа с Ольховым опубликована в «Лампаде» № 2-2014.

Уже знакомый нам Олег Ольхов с добровольцами из Марфо-Мариинской обители. Акция помощи бездомным

небольшим складом для хранения вещей, и постом дежурства социальных работников.

Не боюсь показаться высокопарным, но то, что я увидел и узнал, мне напомнило строки из Священного Писания: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: “идите с миром, грейтесь и питайтесь”, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак. 2:14–17). А ведь эти люди так и живут, и, оказывается, можно жить по заветам Христовым, нужно только стремиться к этому.

В Москве есть немало пунктов, где выдают одежду малоимущим (как оказалось, и добросердечных людей, кто расстается с личными вещами в пользу бедняков, у нас много). Но не во всех этих пунктах привечают бездомных, объясняя это гигиеническими соображениями. Но ведь именно эта категория несчастных больше других нуждается в частой смене своей одежды: стирать-то ее нигде... Так что жизнь и участливое сердце сами подсказали идею: нужен собственный, специализированный пункт выдачи одежды. Весьма целесообразно было организовать такой пункт недалеко от одного из вокзалов, чтобы бездомным не нужно было ездить в отдаленный район на общественном транспорте. Идею поддержал о. Максим Атаманов, диакон храма святого апостола Иакова Зеведеева в Казенной слободе. Он как раз отвечал за помощь бездомным. По благословению настоятеля протоиерея о. Сергия Точеного движению «Курский вокзал. Бездомные, дети» на территории

Пленэр – родной дом. Летом

храма и выделили тот самый вагончик-бытовку. Он открыт в среду и в четверг. Кроме одежды здесь можно получить зубную щетку, пасту, бритвенные станки, мыло, шампунь. А также специальные справочники, листовки с вакансиями, информацию о недорогих общежитиях. В вагончике есть мобильный телефон для звонков родственникам и работодателям. Выдаются самые простые медикаменты, перевязочные средства и сухим пайком лапша быстрого приготовления.

Тем временем наш Анатолий мужественно преодолевал ухабистые километры, но до «Филимонок» еще оставалось порядком, и было время познакомиться с попутчиками поближе. Аня Федотова, как выяснилось, гуманитарий, а ее живой склад ума обнаружил склонность к философским обобщениям. Прежде она была активным панком, то есть выступала за равноправие и улучшение условий жизни для непривилегированных слоев общества. У нас бездомные люди, инвалиды и беспризорные дети относятся именно к такому общественному слою. Поэтому, повстречав активистов православного движения «Курский вокзал. Бездомные, дети», девушка поняла, что это и есть продолжение пути – переход от спонтанных протестов против социальной несправедливости к конкретным практическим делам.

– Бездомность – проблема комплексная: как личностная, так и объективно социальная, экономическая, – рассуждает Анна. – На примере жизни российских инвалидов и бездомных видно, что проис-

ходит в социальной и общественной сфере в целом, можно предугадать тенденции нашего будущего. Поэтому, меняя отношение к незащищенным, асоциальным гражданам, мы меняем будущие социальные отношения. Создавая через систему помощи и реабилитации общество, сострадающее немощным, мы страхуем и свое будущее, и будущее наших потомков.

В беседу вступает Светлана Елкина. Печально улыбаясь, она говорит:

– Никто не застрахован от ситуации, в которой оказались бездомные. Поэтому чем больше людей участвует в этом деле, тем больше добра становится в мире, запускается цепная реакция любви. Таким образом, все вместе мы можем противостоять злу.

Вот и «Филимонки», Центр социальной адаптации инвалидов. Раньше на его месте стоял Княже-Владимирский женский монастырь, и первое, что я увидел, переступив порог, это храм бывшей обители. Долгое время Троицкая церковь находилась в полуразрушенном состоянии. Сейчас активно ведутся реставрационные и восстановительные работы, и ее высокая ослепительно белая колокольня снова, как стрела, устремлена в небо, осеняя окрестности Филимонок своим золотым крестом.

В сопровождении медицинского персонала мы прошли по палатам и раздали пациентам вещи. Шерстяные носки, и тапочки, и нижнее теплое белье, и календари, и нательные крестики, и православные молитвословы. Словом, все то, что может хоть как-то согреть израненные тела и души пациентов казенной лечебницы

Своими глазами я увидел, что даже в таких, мягко говоря, непростых условиях люди остаются людьми. Они на что-то надеются, организуют свой непривлекательный быт, стараются заполнить досуг какими-то делами. Многие обитатели палат благодарно принимали от нас духовную и художественную литературу, газеты. Так уж устроен человек, что до последнего своего мига он всматривается в окружающий мир, пытается понять его и найти в нем свое место. Именно об этом, на мой взгляд, должны не забывать те, кто в силу своих служебных обязанностей ответствен за работу с инвалидами и бездомными. Весьма печально, что личные и профессиональные

качества инвалидов практически не используются в экономике страны. А ведь в стенах подобных заведений могли бы быть оборудованы оснащенные компьютерами кабинеты дистанционной работы и устроены мастерские, и пациенты приносили бы посильную помощь и себе, и обществу.

Увы, еще не перевелись в наших городах бездомные люди, бродяги, нищие и беспризорные дети. Масштабы и причины этой общественной болезни стали иными, но острота проблемы по-прежнему дает о себе знать. Да и кто на самом деле точно просчитывал эти самые масштабы и пытался честно выяснить причины? У меня нет ответа на эти вопросы.

Так что у православного народного движения «Курский вокзал. Бездомные, дети» все еще огромное поле деятельности, на котором пахать и пахать, полоть и полоть... Лидеры и активисты Движения понимают, что проблема бездомности – это не просто беда отдельно взятого человека, а серьезный индикатор того, что не все в порядке в обществе. Страшно представить, как легко сегодня оказаться выброшенным за борт и стать бездомным. Ведь это то же, что бесправный.

Активисты Движения стараются на разных уровнях привлечь внимание к проблеме бездомности. С этой целью они участвуют в разных мероприятиях, конференциях, круглых столах, дискуссиях, акциях, работают с прессой. Надеюсь, что и эта скромная публикация в «Лампаде» поможет Движению найти новых сторонников из числа тех равнодушных читателей, кто не может чувствовать себя уютно, сознавая, что кто-то в этот миг нуждается в его помощи.

Фото автора

Эти бездомные – особого рода. Идейные. Их образ жизни – езда из Москвы в Ярославль и обратно. И так, пока ходят поезда

Вера Кострова

Богатая бабушка

Богат не тот, кто много имеет,
а тот, кто щедро делится.

Маму Насти лишили родительских прав, когда девочке шел пятый месяц. С тех пор отчим домом ей стал дом малютки, а маминими руками – руки медсестер, воспитателей и нянечек. В свои тринадцать месяцев девочка не ведала, что бывает иначе, что мама – только одна, а не четыре, приходящие по сменам, поэтому не чувствовала себя несчастной. Всегда радостная и приветливая, она вполне могла бы украсить плакат о счастливом детстве.

Евгения Ивановна с первым из своих внуков Володей и его другом по детскому Сережей

С Евгенией Ивановной Даняевой мы познакомились случайно, в коридоре детской областной больницы, куда я пришла навестить знакомых. Это было шесть лет назад. Пожилая женщина с маленьким ребенком на руках почему-то сразу обратила на себя внимание. Я остановилась, и мы разговорились. Оказалось, что Евгения Ивановна – не бабушка ребенку, она ему... никто (с юридической точки зрения), но на деле – самый близкий человек.

В день, когда я встретила Евгению Ивановну и Настю, их «лежанию» в больнице было две недели. Предстояло пробыть еще как минимум десять дней.

Требовалось пройти обследование – педиатры предполагали у нее гидроэнцефалию. Невылеченное, это заболевание грозило серьезными нарушениями работы мозга.

Но как может лежать один в больнице годовалый ребенок (воспитатели могут только навещать детей)? На счастье Насти и таких же, как она, детей, в Нижнем Новгороде уже тогда были добровольные помощницы (не хочется почему-то именовать их волонтерами) дома малютки – женщины, отдающие свое свободное время брошенным детям. Евгения Ивановна Даняева оказалась одной из них.

Настя была не первым ребенком, с которым баба Женя лежала в больнице. Когда-то, много лет назад, она почувствовала потребность быть полезной, пошла в дом малютки, и, к чести руководства, ее там не оттолкнули. Дело нашлось сразу.

Первым подопечным Евгении Ивановны стал двухлетний мальчик с врожденным пороком сердца, которому предстояло имплантировать искусственный стимулятор. Евгения Ивановна вызвалась к Володе добровольной сиделкой на весь подготовительный период, долечивание и реабилитацию.

Сейчас мальчику уже четырнадцать лет. Евгения Ивановна считает его своим внуком: постоянно навещает, приносит гостинцы. Несколько лет назад, когда здоровье еще позволяло, брала на выходные, ездила с ним за город. Было время, когда Володя очень расстраивался из-за того, что других детей берут в семьи, а его нет. Евгения Ивановна утешала мальчика как могла. Сейчас, кажется, он свыкся со своим положением, но все равно она переживает за судьбу ставшего ей близким ребенка. Володя тоже относится к Евгении Ивановне как к родной, называет бабушкой. К сожалению, она не могла оформить над ним опеку из-за возраста (когда они подружились, ей подходило к семидесяти), но всегда мечтала, чтобы Володя обрел семью.

Позднее Евгения Ивановна ухаживала в больнице еще за одним ребенком из дома малютки, которому, к счастью, повезло: мальчика вскоре усыновили, и сегодня Евгения Ивановна за него спокойна. Потом были еще дети – многих из них брали в семьи, чему Евгения Ивановна не могла не радоваться.

Еще раз подчеркну для скептиков: за детьми Евгения Ивановна ухаживает совершенно бескорыстно. Ее труд не оплачивают ни общественные организации, ни частные благотворительные фонды. Она живет на небольшую пенсию и даже умудряется выкраивать на гостинцы своим названным внучатам. Я видела в больнице, как Евгения Ивановна подкармливала Настеньку: то йогурт ей покупала, то сок, то детское питание. Ей очень хотелось, чтобы девочка ни в чем не нуждалась, чтобы скорее

окрепла и встала на ноги. По возрасту ей пора было ходить, но неустойчивые ножки не слушались. Поэтому Евгения Ивановна все время приходилось носить Настю на руках. В кроватке сидеть малышке было неинтересно – тянуло узнавать мир, знакомиться с людьми, общаться с детишками. Евгения Ивановна оставляла ее всего на несколько минут, чтобы сбегать вымыть посуду и простирнуть одежду. Хорошо, если кто-то из детей постарше или мамочек в это время мог занять ребенка. Иначе девочка начинала плакать. Зная об этом, Евгения Ивановна старалась оставлять ее одну только в исключительных случаях. Не скрою, эта женщина меня поразила.

Должна сказать, что судьба девочки сложилась вполне удачно. Поскольку серьезных проблем со здоровьем у нее не оказалось, к тому же она была очень обаятельна, через год после лечения Настю взяли в семью.

Потом у Евгении Ивановны были еще внучата. Сегодня она продолжает помогать сотрудникам дома малютки. Ходит к одному мальчику, с которым год назад лежала в больнице. Будет ходить, пока не дожидается его усыновления. Такую цель она себе поставила – не расхварываться, пока у мальчика не появится семья. Возраст у Евгении Ивановны весьма солидный. Кроме проблем с давлением, обычных для пожилых, у нее острая почечная недостаточность, и три раза в неделю она вынуждена ездить в стационар на гемодиализ.

Евгению Ивановну знают и уважают многие. Сотрудники дома малютки рассказали мне, что к ним приходят помогать и другие женщины, но так щедро, как Евгения Ивановна, своим теплом не делится с детьми никто. Как всякий скромный человек, о себе Евгения Ивановна говорит немного. Я знаю о ней лишь то, что до пенсии она работала бухгалтером на одном из закрытых военных заводов, что у нее взрослая дочь, у которой давно своя семья, есть и внучка, тоже уже давно самостоятельная. Ее близкие живут в Москве, они вполне благополучны и не нуждаются в помощи (когда внучка была маленькой, бабушку часто приглашали нянчиться). Мужа давно нет в живых. Есть привычный круг знакомых и соседей, но главное, ради чего

живет, – обязанности, которые она взяла на себя добровольно. По ее признанию, они не тяготят ее, а, напротив, помогают жить.

Грустно, что подавляющее большинство людей, осознающих необходимость общественного служения, склонны придумывать сотни причин, чтобы этим не заниматься. Думаю, что и Евгения Ивановна нашла бы не меньше отговорок, чем многие ее сверстницы. Один только возраст мог бы стать серьезным оправданием спокойной жизни, жизни «для себя». Что говорить о людях моложе? У них «оправданий» намного больше: дом, семья, работа, личная жизнь и так далее, можно долго продолжать. Но Евгения Ивановна живет иначе – она не просто верит в Бога, она творит добро – ежедневно, ежечасно, понимая, что вера без дел мертва. Если бы люди ТАК верили, горя и сиротства в нашей жизни было бы намного меньше.

Мое знакомство с Евгенией Ивановной не ограничилось лишь восхищением. Понимая, как нелегко ей заботиться о названном внуке, я решила помочь ей – принять «эстафету» шефства. Она была рада. Но все же предупредила, что Вова непростой мальчик и с ним нужно быть очень осторожным. Сначала я не поняла, что она имеет в виду. Думала: его нездоровье. Оказалось, что Евгения Ивановна беспокоилась о другом – у Володи, возможно, в силу его недуга, есть некоторые психологические проблемы. Он фантазер. Придумывает разные истории и сам начинает в них верить. Рассказывает их другим так убежденно, что не всякий взрослый отличит выдумку от реальности. Еще Евгения Ивановна рассказала, что в руках у него все «горит» и дорогих вещей дарить ему нельзя – непременно сломает. Я слушала и думала: ведь она, чужой, по сути, человек, сделала эту маленькую жизнь частью своей жизни, а его душу – соединила со своей.

P.S. С Володей мы дружим уже полтора года. Сначала я ездила к нему в интернат, спустя время мне разрешили брать его в гости. Сейчас он, иногда один, иногда со своими товарищами, сам приезжает к нам – начиная с 14 лет, воспитанникам интерната по предварительной договоренности с руководством разрешают ездить к родным и знакомым самостоятельно. Я стараюсь,

чтобы наши воскресные прогулки знакомили интернатских ребят с городом, подготавливали их к непростой самостоятельной жизни. Ведь в интернате они ни в чем не нуждаются с материальной точки зрения: и питаются лучше, и, возможно, игрушек и спортивного снаряжения (коньков, лыж, роликов) имеют даже больше, чем некоторые их сверстники из обычных семей. Единственное, чего не может дать казенный дом, – знания жизни и родственного тепла. К сожалению, не всегда может интернат дать молодому человеку нормальную профессию. Там, где живет Вова, выпускникам предлагается получить лишь четыре профессии на выбор: столяра, маляра-отделочника, озеленителя и швеи (девочкам). Вове с его большим сердцем и искусственным стимулятором не подойдет ни одна из них – физические нагрузки ему противопоказаны. Зато он имеет большие склонности к работе с радиоэлектроникой – с самого детства из любопытства разбирает все, что попадает к нему в руки. Поскольку знаний не хватает, собрать может далеко не все. В интернате и поблизости нет кружка юных радиолюбителей, а далеко в город одного его не отпускают.

Я мечтаю найти мужчину, возможно, уже пенсионного возраста, который бы согласился приходить один-два раза в неделю в интернат, чтобы давать таким, как Володя, основы радиоинженерного дела. Возможно, кому-то из ребят эти занятия дадут путевку в жизнь. Если бы удалось сделать для Володи это большое дело, Евгения Ивановна могла бы быть спокойна за его будущее.

Фото автора

Нижний Новгород

Елена Литвяк

Летний сад*

Тысячи людей со всего света приезжают каждый день в Санкт-Петербург, чтобы полюбоваться его красотой. И обязательно приходят погулять в Летний сад, расположенный в центре города, неподалеку от Невского проспекта. И хотя в Петербурге много садов и парков, Летний сад занимает среди них особенное место. Ведь это самый первый сад на берегах Невы. Он был заложен по указу Петра Первого всего через год после начала работ по устройству новой столицы. Можно сказать, что история Петербурга оставила свой след на его дорожках. Здесь располагается Летний дворец Петра, где он жил с семьей в последние годы царствования. Здесь впервые в России появились мраморные скульптуры. И именно здесь были выращены первые русские помидоры, картофель и клубника. Вот какой это удивительный сад, с которым мы с вами сейчас познакомимся поближе.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ И САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ

Петр называл свой любимый город «парадизом», то есть раем, хотя в первые десятилетия своей жизни он не то что на рай, но и на город-то не очень-то был похож, а скорее напоминал грандиозную стройку. По замыслу царя, Санкт-Петербург должен был превзойти по красоте все города российской державы и стать вровень с европейскими столицами. Поэтому там обязательно должен был появиться сад, похожий на райский.

В те годы совсем рядом с Петербургом проходили сражения со шведами, но государь твердо верил в победу русского оружия и возводил прекрасные здания в новой столице. Он и свой Летний дворец приказал построить почти у входа в сад и лично наблюдал за садовыми работами.

«ВЕРСАЛИЮ ПРЕВЗОЙТИ»

Летний сад получил свое имя потому, что первоначально здесь выращивали только «летники» — однолетние растения, которые каждый год надо было сажать заново. Но очень скоро по специальному царскому указу в Петербург повезли из Европы невиданные до сих пор в этих краях растения — тюльпаны, лилии, апельсиновые и лимонные деревья. Петр хотел, чтобы Летний сад напоминал сады Версаля — загородной резиденции французских королей, — которые когда-то произве-

* В ближайшее время «Летний сад» Елены Литвяк с рисунками Елены Поповской выходит отдельной книжкой. Издательский дом «Фома» любезно предоставил читателям нашей «Лампадки» возможность первыми познакомиться с интересной работой. Журнал «Лампада» искренне благодарит за это коллег.

ли на молодого русского царя сильное впечатление.

Более того, первый сад Петербурга должен был «через немного лет Версалию превзойти». Для этого в Россию пригласили Жана-Батиста Леблона, одного из ведущих садоводов того времени. Он руководил прибывшими из Голландии и Франции садовниками, которые старательно обрезали ножницами кроны деревьев, придавая им причудливые формы шара, пирамиды, куба. Они специально сажали дубы, чтобы их корнями укреплялась болотистая земля. Получился выстроенный по четкому плану так называемый регулярный парк. Кстати, на аллее, что ведет от Летнего дворца Петра вдоль реки Фонтанки в глубину сада, и сегодня можно увидеть один из тех стародавних дубов. Рядом с

ним даже табличка установлена: «Дуб петровского времени».

В июне 1709 года по случаю победы над шведами Петр лично встречал гостей у калитки Летнего сада в зеленом мундире Преображенского полка. В его шляпе красовалась большая дырка, но государь не велел ее зашивать — оставил на память о вражеской пуле, которая чудом не ранила его во время Полтавской битвы. Во время празднования в небо взлетали огненные ракеты фейерверков, причудливо освещая мраморные статуи. Волны плескали о новую деревянную пристань, а дамы под руку с кавалерами осторожно ступали из лодок на берег, подобрав пышные подола летних платьев...

ЧТО ТАКОЕ «РЕГУЛЯРНЫЙ ПАРК»?

Если посмотреть на Летний сад сверху, он покажется начерченным по линейке. Его пересекают удивительно прямые и ровные аллеи и дорожки. Именно так выглядит классический

регулярный парк, очень популярный в семнадцатом и восемнадцатом веках. Такой парк должен был демонстрировать власть человека над природой, его способность на пустом месте создать новый прекрасный мир.

У каждого дерева, каждого куста, цветка и ягодника было строго определенное место. В саду подстригали не только деревья, но и траву и даже кусты. Такие аккуратно подстриженные растения называются «шпалеры». Они выполняли роль живой изгороди – «боскета», за которой располагалась квадратная площадка. Внутри каждого боскета в петровскую эпоху был спрятан какой-нибудь сюрприз. Например, фонтан, изображавший морского бога Нептуна, мчащегося сквозь звенящие струи воды на золотой колеснице. Или статуи из белоснежного каррарского мрамора, привезенные из Италии. Кстати, фонтаны Летнего сада были самыми первыми в России, а знаменитые петергофские фонтаны появились гораздо позже.

До чего же было здесь красиво в солнечный летний день: свежая зелень растений, белый блестящий мрамор, искрящаяся на солнце вода и дорожки, посыпанные разноцветным песком! Видимо, для достижения еще большего сходства с райским садом здесь располагался и зверинец – Зверовой двор, одним из первых обитателей которого был слон, подарок персидского шаха. А его соседями оказались огромный дикобраз, синяя лисица, орлы, журавли и дикие гуси, которые позволяли кормить себя из рук.

ШКОЛА

ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Но статуями в Летнем саду государь Петр Алексеевич гордился даже больше, чем слонем, фонтанами и редкостными голландскими тюльпанами. В начале восемнадцатого столетия все дворцы в Европе были украшены изображениями древнегреческих и римских богов и героев. Образованные европейцы в те годы очень интересовались древностями. И Петр тоже задумал украсить свой сад статуями – для просвещения своих подданных, которых мечтал перевоспитать на европейский лад. Он хотел, чтобы придворные, прогуливаясь по тенистым дорожкам, изучали античную¹

¹ Античный – относящийся к эпохе Древней Греции и Древнего Рима.

историю и мифологию. Петр заказал мраморные статуи знаменитым итальянским мастерам, и в Венецию за ними была отправлена целая флотилия, которая должна была бережно доставить ценный груз в Петербург.

Когда статуи были расставлены по саду, получилась самая настоящая античная энциклопедия в камне. Изображения Цереры, Дианы, Аполлона, Минервы, Амура и Психеи помогали выучить имена античных богов. Портреты римских императоров и знаменитая скульптурная группа «Похищенные сабинянки» были замечательными иллюстрациями к истории Древнего Рима.

Разумеется, не всем и не сразу это понравилось. Русскому человеку странно было смотреть на женские и мужские фигуры без одежды. Говорят, что однажды Петр даже приказал поставить в Летнем саду солдата с ружьем, чтобы охранять покой статуй. Должно было пройти много лет, чтобы посетители сада смогли по достоинству оценить скульптуры. Зато теперь мы и представить себе не можем Летний сад без них.

Разглядывать статуи очень интересно. Вот, например, стоящая прямо у главного входа девушка с копьем и в воинском шлеме – «Минерва». Так римляне называли греческую богиню войны и мудрости Афину, которой поклонялись, считая, что именно она приносит им воинские победы. У ног Минервы итальянский скульптор расположил сову, которая была у древних символом мудрости.

А возле Летнего дворца Петра находится скульптурная группа «Мир и победа». Она была поставлена в саду в память победы над шведами. Девушка с факелом, ангел с якорем и пальмовой ветвью, орел, лев, пушка – ничего с первого взгляда не ясно. Но дело в том, что понятия «война» и «победа» переданы здесь в камне через изображение разных сим-

волов². Ученые-искусствоведы называют такие изображения «аллегориями».

Люди восемнадцатого столетия любили аллегории и умели их читать, как книгу. Лев в этой скульптурной группе обозначает Швецию, а орел – Россию, поскольку именно эти животные изображены на гербах стран-противников. Орел топчет льва и опирается на якорь – это значит, что в войне Россия одолела Швецию и получила выход к Балтийскому морю, на берегу которого стоит Санкт-Петербург. Якорь придерживает ангел, давая понять, что Россия победила в этой войне с Божьей помощью. Пальмовая ветвь тоже не случайна, так как в древности полководца-победителя встречали именно с пальмовыми ветвями. А опущенный факел в руках девушки означает скорбь по погибшим русским воинам.

Кстати, шведы больше не решались затевать долгих войн с Россией. А в середине девятнадцатого века шведский король в знак вечной дружбы подарил российскому императору Николаю Первому огромную вазу из розового гранита.

(наше путешествие продолжится в следующем номере)

² Символ – условный знак какого-либо понятия или явления.

ЛАМПАДА

В ВАШЕМ ДОМЕ

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайте

www.znamenie-hovrino.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Выписать «ЛАМПАДУ» можно
в любом отделении связи –
подписной индекс:
16594 в каталоге «Почта России»
или непосредственно в редакции –
8 963 962 5575

Обращаем внимание подписчиков:
со 2-го полугодия у нас только один под-
писной индекс

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	свт. Климента, папы Римского
св. мц. Татианы при МГУ	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья
Воскресения Христова в Сокольниках	Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря	Всех святых во Всехсвятском
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве	Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Преображения Господня в Тушине
Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря	преп. Сергия Радонежского в Бусинове
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Троицы Живоначальной в Хорошеве	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хохлах	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	Воскресения Христова в Кадашах
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
царевича Димитрия при Голицынской больнице	прп. Сергия Радонежского в Крапивниках
Троицы Живоначальной в Останкине	
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	

ISSN 2225-0271

9 772225 027100